

РАНХиГС

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

М.П. Антонова, В.А. Барина
В.В. Громов, С.П. Земцов
А.Н. Красносельских
Н.С. Милоголов, А.А. Потапова
Ю.В. Царева

Развитие малого и среднего предпринимательства в России в контексте реализации национального проекта

| Издательский дом ДЕЛО |

Москва | 2020

УДК 334.7
ББК 65.29
А64

Об авторах:

Антонова М.П. (PhD), ведущий научный сотрудник центра агропродовольственной политики ИПЭИ РАНХиГС

Барина В.А., заведующая Лабораторией исследований проблем предпринимательства ИПЭИ РАНХиГС

Громов В.В., к.э.н., старший научный сотрудник Лаборатории исследований налоговой политики ИПЭИ РАНХиГС

Земцов С.П., ведущий научный сотрудник Лаборатории исследований проблем предпринимательства ИПЭИ РАНХиГС

Красносельских А.Н., младший научный сотрудник Лаборатории исследований проблем предпринимательства ИПЭИ РАНХиГС

Милоголов Н.С., к.э.н., старший научный сотрудник, и. о. заведующего Лабораторией исследований налоговой политики ИПЭИ РАНХиГС

Потапова А.А., младший научный сотрудник центра агропродовольственной политики ИПЭИ РАНХиГС

Царева Ю.В., научный сотрудник лаборатории исследований проблем предпринимательства ИПЭИ РАНХиГС

Антонова, М.П., Барина, В.А., Громов, В.В., Земцов, С.П. и др.

А64 Развитие малого и среднего предпринимательства в России в контексте реализации национального проекта / М.П. Антонова, В.А. Барина, В.В. Громов, С.П. Земцов, А.Н. Красносельских, Н.С. Милоголов, А.А. Потапова, Ю.В. Царева. — М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020. — 88 с. — (Научные доклады: экономика).

ISBN 978-5-85006-202-6

Развитие малого и среднего предпринимательства (МСП) — один из приоритетов экономической политики государства. Реализуется национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». В последнее время наблюдается улучшение условий ведения бизнеса, существенное увеличение государственных закупок у субъектов МСП, расширение доступа субъектов МСП к финансированию. Одновременно сохраняются угрозы реализации целей национального проекта, связанные с сокращением рабочей силы, медленными темпами внедрения механизма «регуляторной гильотины» и риск-ориентированного подхода в сфере контрольно-надзорной деятельности, недостаточным охватом малых и средних предприятий мерами господдержки. В докладе предложены рекомендации для снижения указанных угроз.

ISBN 978-5-85006-202-6

УДК 334.7
ББК 65.29

© ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2020

Содержание

Краткое содержание.	5
Введение.	10
1. Малое и среднее предпринимательство в России	12
1.1. Особенности развития сектора МСП в России	12
1.2. Возможности повышения роли МСП в экономике России	20
1.3. Стратегические цели предпринимательской политики	28
2. Улучшение условий ведения предпринимательской деятельности	34
2.1. Достижения предыдущих лет	34
2.2. Проблемы и угрозы реализации национального проекта	39
2.3. Рекомендации по совершенствованию политики	44
3. Расширение доступа субъектов МСП к финансовым ресурсам	53
3.1. Достижения предыдущих лет	53
3.2. Проблемы и угрозы реализации национального проекта	55
3.3. Рекомендации по совершенствованию политики	57
4. Акселерация субъектов МСП	59
4.1. Достижения предыдущих лет	59

4.2. Проблемы и угрозы реализации национального проекта	61
4.3. Рекомендации по совершенствованию политики	64
5. Популяризация предпринимательства	66
5.1. Достижения предыдущих лет	66
5.2. Проблемы и угрозы реализации национального проекта	68
5.3. Рекомендации по совершенствованию политики	70
6. Поддержка фермеров и сельскохозяйственной кооперации	71
6.1. Достижения предыдущих лет	71
6.2. Проблемы и угрозы реализации национального проекта	72
6.3. Рекомендации по совершенствованию политики	73
Заключение	75
Список литературы	79

Краткое содержание

МАЛОЕ И СРЕДНЕЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В ЭКОНОМИКЕ РОССИИ

Мониторинг сектора МСП затруднен вследствие задержек с публикацией данных, отсутствия их в открытом доступе, а также различий в методиках расчета. Критерии определения сектора МСП в России в целом соответствуют общемировым, но их многочисленные изменения затрудняют анализ долгосрочных трендов развития. В среднестатистическом субъекте МСП в 2018 г. было занято 3,4 чел., его выручка составляла 16,8 млн руб., притом что верхние критерии — 250 чел. и 2 млрд руб. соответственно. Как и за рубежом, основная специализация малых и средних предприятий — торговля и сфера услуг, обрабатывающая промышленность, строительство, интернет-экономика. В то же время в России ниже доля экспортеров и инновационных фирм. Доля МСП в ВВП в 2017 г. составляла 21,9%¹. Доля МСП в занятости сократилась с 29,5% в 2008 г. до 26,7% в 2018 г., при этом по-прежнему велика неформальная занятость (20,1% занятых в 2018 г., или 14,6 млн чел.).

¹ Росстат, 2018.

Цели ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ПОЛИТИКИ

Объем выделяемых на поддержку сектора МСП средств в рамках национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» до 2024 г. составит около 481,4 млрд руб. По данным Минэкономразвития России, объем выделенных с 2008 по 2017 г. федеральных субсидий субъектам Российской Федерации на поддержку МСП составил около 160 млрд руб. (в номинальном выражении). Эти субсидии направлялись преимущественно на создание инфраструктуры поддержки (технопарки, бизнес-инкубаторы и т. д.), которая в большинстве регионов уже сформирована. В нацпроекте основной объем федеральных средств будет направлен на расширение доступа субъектов МСП к финансовым ресурсам, в том числе к льготному финансированию, а также на акселерацию субъектов МСП, в том числе с помощью механизма государственных закупок.

Весьма амбициозной видится цель по увеличению занятости в секторе МСП примерно на 33% за пять лет (с 19,2 млн чел. в 2018 г. до 25 млн чел. в 2024 г.), особенно в контексте сокращения численности рабочей силы за последние три года в России и сокращения доли МСП в занятости за предшествующие десять лет. Достижению данной цели может способствовать легализация самозанятых и высвобождение занятых на крупных предприятиях и в госсекторе, в том числе в результате реализации национальных проектов в сферах цифровой экономики и производительности труда. Усиление налогового контроля и снижение доходов населения в последние годы увеличивают риски невыполнения цели по увеличению доли МСП в ВВП до 32,5% в 2024 г. Доля сектора МСП в несырьевом экспорте, согласно нацпроекту, должна вырасти с 8,6% в 2017 г. до 10% в 2024 г. По нашим расчетам, в 2018 г. эта доля выросла до 8,71%; растет число субъектов МСП-экспортеров, развивается сеть центров поддержки экспорта, что повышает вероятность достижения целевых значений.

ДОСТИЖЕНИЯ И ОГРАНИЧЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦПРОЕКТА

По условиям ведения предпринимательской деятельности Россия в 2019 г. поднялась в рейтинге Doing Business на 28-е место со 124-го в 2010 г. Снизилось число плановых и внеплановых проверок, внедрены специальные налоговые режимы, сократившие издержки малого бизнеса: 54,7% субъектов МСП применяют упрощенную систему налогообложения (УСН), 36,6% — единый налог на вмененный доход (ЕНВД). В то же время, по данным уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей, свыше 66,5% предпринимателей негативно оценивают ситуацию с защитой своих прав. Усиление контроля со стороны налоговых органов (в том числе внедрение онлайн-касс) и повышение НДС привели к уходу части бизнеса в неформальный сектор. Дробление крупных фирм с целью налоговой оптимизации может оказаться следствием появления более выгодных налоговых режимов. Новый налоговый режим для самозанятых может привести к сокращению числа индивидуальных предпринимателей вследствие перерегистрации.

Доступность финансирования для сектора МСП, если судить по опросам представителей бизнеса, выросла с 2016 г. в том числе благодаря государственным мерам поддержки. Но доля субъектов МСП в общем объеме выданных кредитов сокращается, так как большинство опрошенных не видят необходимости в заемном финансировании на фоне сокращения спроса и неопределенности экономической ситуации. Лишь 9% представителей МСП в России обращались к программам господдержки.

Для повышения внутреннего спроса и акселерации субъектов МСП национальным проектом предполагается увеличение их доли в государственных закупках и поддержка экспорта. По итогам 2019 г. квота на участие МСП в госзакупках может быть превышена в 2,8 раза. Ежегодно с 2014 по 2018 г. наблюдается увеличение числа малых и средних компаний-экспортеров, что связано с ослаблением российского рубля по отношению к иностранным валютам в 2015–2016 гг., сужением внутреннего рынка, а также деятельностью центров поддержки экспорта.

РЕКОМЕНДАЦИИ

В части улучшения условий ведения предпринимательской деятельности рекомендуется продолжить политику по переводу всех госуслуг для предпринимателей в электронный вид, добиваться совершенствования интегрированных информационных систем, в том числе формирования полного единого интерактивного реестра контрольно-надзорных требований в бизнес-навигаторе МСП. Важно реализовать намеченные изменения в части реализации механизма «регуляторной гильотины» и внедрения риск-ориентированного подхода в контрольно-надзорной деятельности. Приоритетами же налогового стимулирования МСП должны стать адресность и целевая направленность специальных налоговых режимов, удобство их применения, предотвращение злоупотреблений. Допустимо и увеличение порога по выручке для применения УСН, но только в порядке индексации ее значения с учетом роста потребительских цен. Целесообразной представляется отмена ретроспективного налогообложения. Возможно введение льгот по уплате налога на имущество. Позитивный эффект может быть достигнут в результате замены страховых платежей единым налогом. Для решения проблемы разрыва цепочек вычета НДС при переходе на УСН предлагается предоставить налогоплательщику право получать статус плательщика НДС на добровольной основе. С целью создания стимулов для местных властей по развитию сектора МСП и компенсации отмены ЕНВД для местных бюджетов следует рассмотреть возможность расширения практики передачи платежей УСН в местные бюджеты.

Для реализации планов по акселерации субъектов МСП перспективными представляются такие меры, как отбор и поддержка компаний с высоким потенциалом роста (в том числе предоставление различных сервисов), расширение финансирования со стороны Фонда развития промышленности и расширение сети региональных фондов, разработка новой программы субсидирования банков на инвестиционные цели для резидентов промышленных парков, технопарков или особых экономических зон. Повышению доверия к механизмам

господдержки могли бы способствовать разработке и запуск единой открытой цифровой платформы, содержащей информацию обо всех субъектах МСП, получивших господдержку за счет средств бюджетов всех уровней и институтов развития, с последующей оценкой результатов мер поддержки.

При расширении сферы государственных закупок для сектора МСП необходимо рассмотреть возможность обеспечения адресности применяемых мер поддержки. Исходя из зарубежного опыта, особое внимание при определении квот следует уделить отдельным слабозащищенным группам: социальному предпринимательству, женскому предпринимательству (включая матерей-одиночек), «серебряному предпринимательству», предприятиям в моногородах и на удаленных территориях с невыгодными условиями ведения бизнеса. В рамках стратегии «экономического садоводства» необходимо формирование региональных экосистем поддержки, выстраиваемых вокруг потенциальных региональных чемпионов, а также создание специальных условий для компаний наукоемких и творческих видов деятельности.

В сфере популяризации предпринимательства важно расширить возможности вовлечения в предпринимательскую деятельность студентов и школьников. Это предполагает расширение инфраструктуры центров молодежного инновационного предпринимательства, фаблабов, предоставляющих возможность начинающим предпринимателям на льготных условиях разрабатывать промышленные модели и образцы новых изделий; увеличение фондов целевого капитала ведущих вузов на цели, связанные с созданием стартапов.

Введение

В Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 [1] одним из приоритетов определена реализация национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». В рамках проекта предполагается увеличение до 2024 г. числа занятых в малом и среднем предпринимательстве более чем на 6 млн человек, а также доли сектора МСП в ВВП с 22 до 32,5%. Ранее была принята Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года с близкими целями [2]. Таким образом, поддержка сектора МСП признана одним из приоритетов экономической политики в России [3].

В среде экспертов встречается мнение, согласно которому поддержка МСП — это неэффективное расходование бюджетных средств, так как в целом малые предприятия отличает низкая производительность труда, они не формируют существенных объемов добавленной стоимости, создают рабочие места низкого качества, обеспечивают крайне небольшую долю налоговых поступлений; к тому же в России отмечается низкая склонность к предпринимательству среди населения [4]. Кроме того, предшествующие меры поддержки оказались малоэффективными с точки зрения повышения роли сектора МСП в экономике. Согласно этой логике,

приоритетом должно быть развитие наиболее эффективных крупных предприятий и корпораций.

В докладе приводится ряд аргументов в пользу необходимости развития предпринимательства в долгосрочной перспективе с учетом глобальных трендов (раздел 1). В целом сектор МСП может обеспечить адаптацию экономики и населения к технологическим изменениям, в частности к анонсированному в национальных проектах повышению производительности труда на крупных предприятиях и в бюджетном секторе [5]. Новые малые предприятия в высокотехнологичных отраслях будут способствовать диверсификации экономики, повышению конкуренции; более того, они также позволят при возникновении должных условий обеспечить присутствие отечественных компаний на зарождающихся рынках. К тому же предприниматели повышают спрос на инклюзивные институты, что обеспечивает основу для долгосрочного институционального развития страны.

В докладе рассматриваются тенденции развития и достижения политики поддержки сектора МСП в предыдущие периоды, проблемы и угрозы достижения стратегических целей развития, обозначенных в национальном проекте «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», а также представлены рекомендации по снижению описанных ограничений.

1. Малое и среднее предпринимательство в России

1.1. Особенности развития сектора МСП в России

Существенный объем мер государственной поддержки ориентирован на малые и средние предприятия, однако приоритетный характер сектора МСП стала приобретать лишь после кризиса 2008 г., который внес существенные коррективы в формирование государственной экономической политики. В частности, были обновлены критерии отнесения компаний к субъектам МСП [6]¹. Например, ранее понятие среднего и микробизнеса как объектов господдержки не существовало. В России к субъектам МСП [6] в настоящее время относят предприятия, которые выполняют хотя бы одно из условий независимости происхождения²

¹ Ранее действовал Федеральный закон от 14 июня 1995 г. № 88-ФЗ «О государственной поддержке малого предпринимательства в Российской Федерации».

² Эти условия ограничивают суммарную долю участия в уставном капитале МСП для остальных хозяйствующих субъектов 49 процентами. Отдельно федеральный закон оговаривает отнесение к МСП инновационных (высоко-технологических) компаний.

и соответствуют количественным критериям¹ по средней численности работников предприятия за предшествующий календарный год и доходу, полученному от предпринимательской деятельности за предшествующий календарный год (табл. 1) [7]. На практике средний размер этих предприятий существенно ниже (табл. 1).

Таблица 1. Характеристики субъекта МСП

	Число работников, чел.		Выручка, млн руб.	
	Верхнее значение критерия	Средний размер	Верхнее значение критерия	Средний размер
Средние фирмы	250	105,7	2000	443
Малые фирмы	100	24	800	97,6
Микро-фирмы	15	1,9	120	19,6
ИП		2,3		5,1
Субъект МСП		3,4		16,8

Критерии кардинально обновлялись несколько раз: в 2007 г. был введен критерий по доходу, в 2016 г. максимальные значения финансовых критериев были увеличены в 2 раза, что привело к резкому статистическому росту числа субъектов МСП. В 2017 г. были дополнительно повышены пороговые значения для малых и средних предприятий легкой промышленности². В то же время доступ к льготам для МСП ограничивается и более строгими критериями, например для применения упро-

¹ Для перехода из группы в группу количественные показатели должны соответствовать критериям в течение трех календарных лет подряд; все вновь созданные юрлица и ИП, а также применяющие патентную систему фирмы считаются микропредприятиями.

² Согласно постановлению Правительства Российской Федерации от 22 ноября 2017 г. № 1412, это деятельность класса 13 «Производство текстильных изделий», класса 14 «Производство одежды», класса 15 «Производство кожи и изделий из кожи» раздела С «Обрабатывающие производства» ОКВЭД.

щенной системы налогообложения (УСН) действуют ограничения 100 чел. и 112,5 млн руб. [8].

Российская практика определения малых и средних предприятий в целом соответствует общемировой [9]: за рубежом в среднем верхний порог для предприятий сферы МСП составляет около 3 млрд руб. в пересчете на текущий курс рубля, а наиболее часто встречающийся за рубежом порог по численности сотрудников — 250 чел. За рубежом критерии МСП используются, как правило, для получения поддержки и льгот.

Большая часть сектора МСП в России состоит из индивидуальных предпринимателей (57,6%) и микропредприятий (38,7%). На малые и средние фирмы приходится лишь 3,7% от общего числа субъектов МСП. В 2017–2019 гг. наблюдалось небольшое изменение структуры сектора МСП: число малых и средних предприятий уменьшалось, а число индивидуальных предпринимателей росло. Это могло быть связано с желанием бизнеса снизить свои издержки за счет использования налоговых льгот, а также путем ухода в тень. На микропредприятиях занято 5,8 млн чел. (31%), в сфере индивидуального предпринимательства — 5,9 млн чел. (31%), в малых и средних фирмах — 7,1 млн чел. (37,9%).

В структуре выручки субъектов МСП выше всего доли торговли и услуг (~47%), обрабатывающей промышленности (~16%), строительства (~13%). Отраслевая структура сектора МСП в России в целом соответствует аналогичной структуре в странах ОЭСР, где существенная доля малых и средних предприятий также приходится на торговлю и сферу услуг [9]. В то же время специфика сектора МСП в России заметно отличается от МСП развитых стран: в России, как было отмечено, заметно ниже доля инновационных (производительных) фирм, ниже доля фирм-экспортеров [10].

Меньшее количество МСП в обрабатывающей промышленности в России отчасти объясняется специализацией стран в мировой торговле. Наблюдается дефицит *производственных* быстрорастущих фирм [11]. Например, в рейтинге РБК самых быстрорастущих компаний России в 2019 г. [12] отраслевое лидерство по выручке (более 20% совокупной выручки участников топ-50 быстрорастущих компаний) принадлежит предпри-

ятиям розничной торговли «ВкусВилл», «Евроритейл», «Ярче!», «Красное & Белое» и др., второе место по данному показателю занимает нефтегазовый сектор (18,1%).

Значительного роста доли сектора малого и среднего предпринимательства в экономике с 2008 г. не наблюдалось. По официальным данным Росстата и Минэкономразвития России, доля в ВВП выросла с 19,1% в 2011 г. лишь до 21,9% в 2017 г., а в занятости доля МСП сократилась с 29,5 до 26,7% (рис. 1), при этом в 2019 г., по данным Единого реестра субъектов МСП [13], число работников МСП также сократилось.

В период экономического кризиса 2015–2016 гг. доля МСП в занятости сокращалась. С одной стороны, малые и средние фирмы не выдерживали тяжелых кризисных условий и низкого потребительского спроса, с другой стороны, старались снизить налоговые издержки, переводя сотрудников на «серые» зарплаты. Крупным предприятиям в целом сложнее реализовать подобные схемы частичного ухода от налогообложения, поскольку они находятся под пристальным вниманием налоговых органов. В России потенциальная часть занятых, которая могла бы относиться к сектору МСП, находится в тени и не пла-

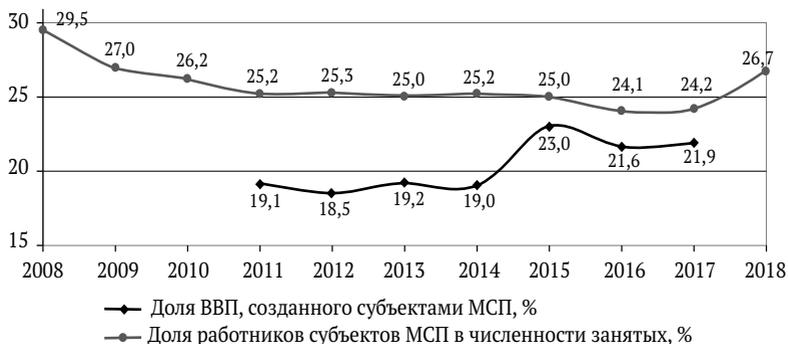

Рис. 1. Динамика доли сектора МСП в экономике России в 2011–2018 гг., %¹

Источник: [14, 15].

¹ Сопоставление приведенных данных за 2015–2016 гг. в динамике не является корректным в связи с изменением в 2016 г. критериев отнесения хозяйствующих субъектов к категории субъектов МСП.

тит налоги. Поэтому в течение последних лет в стране проводится активная фискальная политика, направленная на вывод МСП из тени и повышение собираемости налогов и включающая введение онлайн-касс и меры по легализации самозанятых.

Большая часть самозанятых граждан сосредоточена в неформальном секторе. По оценкам Росстата (рис. 2), численность «неформалов», включая ИП, выросла с 13,8 млн чел. в 2008 г. до 20,1 млн чел. в 2018 г. При этом в структуре неформальной занятости увеличилась доля занятых только в неформальном секторе с 85,7% в 2006 г. до 93,4% в 2017 г. В некоторой степени для оценки роли МСП в экономике можно использовать оценку доли занятых в неформальном и предпринимательском секторах, которая за рассматриваемый период не превышала 37,4% (рис. 2).

По данным ОЭСР [16], в России в малых и средних фирмах (менее 250 занятых) сосредоточено около 33% работников выборки отечественных фирм. По российским данным [17], это значение может существенно различаться в зависимости от знаменателя. Так, доля среднесписочной численности работников МСП в общем числе занятых в 2018 г., по данным ФНС [13],

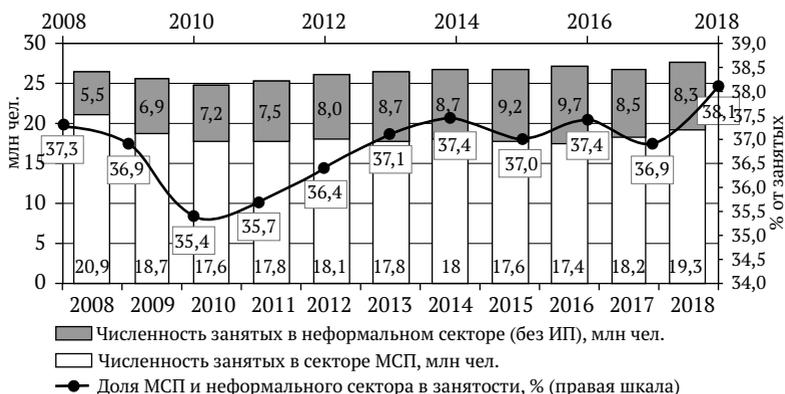

Рис. 2. Доля занятых в неформальном и предпринимательском секторах в России

Источник: [2, 13, 18, 19].

составляла 26,5%, но если в знаменателе использовать средне-численную численность работников по полному кругу организаций, то 38%¹.

ОЭСР для сопоставления роли МСП в разных странах использует выборки фирм рассматриваемых стран, называя это бизнес-сектором [20]. Поэтому для корректного сопоставления с другими странами необходимо из структуры ВВП России исключить долю государственного (46%) [21] и финансового секторов (4,3%), а затем объем добавленной стоимости сектора МСП разделить на оставшуюся часть ВВП. В этом случае, по нашим расчетам [22], доля МСП в добавленной стоимости бизнес-сектора России в 2017 г. составляла бы около 44%. Доля сектора МСП в занятости и в ВВП существенно зависит от структуры и размера экономики. Россия ближе в этом случае не к странам Евросоюза, а к США, Канаде, Японии за счет развития трудозатратных и капиталоемких отраслей, высокого значения показателя среднего размера фирм. На наш взгляд, в России проблема не только в том, что малых и средних предприятий мало, но еще и в том, что государственный сектор занимает слишком большую долю, а сфера МСП качественно не соответствует по своим характеристикам аналогичному сектору в развитых странах: мало экспортеров, производственных компаний, технологических стартапов и инновационных компаний, большая доля предприятий полностью или частично работает в тени.

В 2016 г., согласно официальным статистическим данным, число субъектов МСП увеличилось приблизительно на 600 тыс. предприятий (на 12% по сравнению с предыдущим годом) на фоне экономического кризиса 2014–2016 гг., следствием которого стало падение доходов населения [23] и снижение занятости в секторе МСП (рис. 3). В то же время оборот сектора МСП в 2016 г. вырос — возникло 611,2 тыс. микрофирм (приблизительно 280 тыс. из них зарегистрированы в Москве и Санкт-Петербурге).

¹ Более обоснованный критерий, так как и числитель, и знаменатель в этом случае методически близки. Число индивидуальных предпринимателей прибавляется и к числителю, и к знаменателю.

Рис. 3. Динамика основных показателей сферы МСП и доходов населения в России

Источник: Росстат [24].

При этом число фирм-однодневок¹ сократилось в России до рекордно низких значений² — 7,3% от общего числа юридических лиц (309 тыс.), для сравнения: в 2010 г. было около 40% (1,8 млн фирм). В рамках кампании по борьбе с фирмами-однодневками в 2016 г. ФНС сократила число компаний в реестре юридических лиц на 650 тыс. Таким образом, можно утверждать, что увеличение числа субъектов малого и среднего предпринимательства в 2016–2017 гг. напрямую не связано с ростом числа фирм-однодневок.

Основным объяснением служит изменение критериев отношения субъектов к сектору МСП. Пороговые значения для вы-

¹ Юридическое лицо, не обладающее фактической самостоятельностью, созданное без цели ведения предпринимательской деятельности и, как правило, не представляющее налоговую отчетность. Создаются, чтобы налогоплательщик мог искусственно включить их в цепочку хозяйственных связей, в том числе для снижения уплачиваемых налогов. К признакам фирм-однодневок относятся минимальный размер уставного капитала, массовый адрес регистрации, подача отчетности с нулевыми показателями или ее отсутствие, отсутствие штата персонала, материальных и административных ресурсов, подозрительные хозяйственные операции, отсутствие упоминаний о компании, а также дата регистрации, близкая к дате совершения сомнительной сделки. Подробнее см.: <https://www.rbc.ru/economics/26/06/2018/5b30fcab9a7947e36cf7a7b3>.

² <https://www.rbc.ru/economics/26/06/2018/5b30fcab9a7947e36cf7a7b3>.

ручки были увеличены в 2 раза, также был увеличен критерий внешнего участия. В целом большее число предприятий стало относиться к сектору МСП, однако многие компании, которые до 2016 г. относились к категории малых, перешли в категорию микробизнеса. В том же году был увеличен критерий для применения упрощенной системы налогообложения. В численности занятых перестали учитывать внешних совместителей и занятых по договору ГПХ, что отчасти объясняет снижение численности занятых на малых и средних предприятиях.

Отраслевая структура сектора МСП с 2008 г. претерпела ряд изменений (рис. 4). Доля торговли в структуре МСП сократилась из-за снижения доходов населения. При этом в обороте и числе фирм выросла доля производственных компаний (обработка), а также доля прочих услуг, включая интернет-сервисы, транспортировку, гостиничный бизнес, доставку продуктов и иные услуги, но их доля в обороте выросла существенно меньше, чем в занятости. Несколько увеличилась доля наукоемких услуг (науки, образования и здравоохранения). Первичный сектор также растет благодаря усилиям властей по развитию сельского хозяйства и режиму контрсанкций.

Анализ открытых статистических данных не позволяет сформировать четкую картину уровня и динамики развития сферы МСП в России, во-первых, из-за отсутствия преемствен-

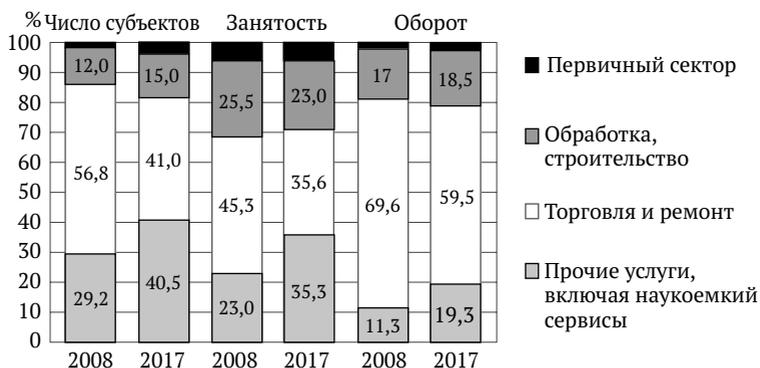

Рис. 4. Изменение отраслевой структуры сектора МСП

Источник: Росстат [24].

ности данных — здесь играют роль изменения критериев сферы МСП и методик расчета ключевых показателей, во-вторых, ввиду наличия ряда источников данных, содержащих несопоставимую в ряде случаев информацию (Росстата, реестра МСП, данных ФНС).

География малого и среднего предпринимательства в России формировалась последние 30 лет. За этот период в ряде регионов сложились устойчивые институциональные, отраслевые и иные особенности [25, 26]. Например, создание новых фирм при внедрении федеральных инициатив по упрощению процедур ведения бизнеса увеличивается в регионах дифференцированно — в зависимости от качества институтов, плотности малых фирм и т. д. [27]. Существенны различия в части географической плотности малого бизнеса, а также вовлеченности населения в предпринимательскую деятельность. Фактически речь может идти о разных типах предпринимательских экосистем [25].

1.2. Возможности повышения роли МСП в экономике России

Малый и средний бизнес играет существенную роль в социально-экономическом развитии. Можно выделить несколько механизмов подобного влияния.

Предпринимательство как деятельность по созданию и развитию бизнеса на свой страх и риск путем поиска и освоения новых рыночных ниш ускоряет процессы «креативного разрушения». Эти процессы подробно описаны в классических работах Й. Шумпетера [28, 29]; современный экономический рост невозможен без обновления корпоративных форм, технологий, методов ведения бизнеса, устранения ригидных и устаревших. Создание барьеров, препятствующих «созидательному разрушению», может снижать социальные риски, но при этом снижает темпы экономического роста в будущем. В работе [30] показано, что низкие темпы экономического роста в странах Европейского союза в сравнении с США могут объясняться высокими барьерами входа и мерами по защите занятости в Европе. На механизм созидательного разрушения может приходиться до 50%

роста производительности в экономике [31]. При этом на наиболее быстрорастущие малые и средние компании может приходиться до 50% прироста ВВП в развитых странах [32].

Наиболее важным в последние годы — в условиях формирования в ряде стран и регионов так называемой предпринимательской экономики¹ [33] — является *механизм трансформации идей в готовые продукты и услуги*, подробно описанный в работах [34, 35, 36]. В конечном итоге механизм «созидательного разрушения» требует реализации идей с помощью создания новых компаний. Предпринимательство в этом случае также рассматривается как один из механизмов коммерциализации научных исследований и разработок. При этом в регионах с высоким накопленным научно-исследовательским потенциалом может наблюдаться низкий уровень экономического развития из-за слабого развития предпринимательства, малой плотности стартапов. Иными словами, речь идет о предпринимательском капитале, сконцентрированном в стране или регионе [35].

Механизм мультипликатора еще один канал влияния на экономический рост. При реализации крупного инвестиционного проекта отдача от инвестиций будет выше в том регионе, где выше плотность МСП. Малый бизнес оказывает дополнительные услуги и производит сопутствующие товары. Кроме того, часто малые предприятия освобождают крупные предприятия от непрофильных функций, что позволяет повысить эффективность последних в рамках *аутсорсинга*.

Развитый малый и средний бизнес способствует снижению безработицы в условиях сокращений на крупных предприятиях и в бюджетном секторе. В этом смысле предпринимательство выполняет социальные функции, но при этом положительно влияет на экономический рост [37]. Предпринимательство в развивающихся странах и регионах часто рассматривается как инструмент снижения бедности и обеспечения инклюзивного экономического роста [38]. Быстрорастущие

¹ Переход от менеджерального подхода к развитию экономики, в рамках которого основные функции выполняют крупные и бюджетные организации, к предпринимательскому подходу, когда все более возрастающую роль играют малые и средние предприятия. Во многих развитых странах доля МСП в ВВП и занятости уже превысила 50% [17].

малые и средние компании могут создавать более половины рабочих мест в развитых странах [32] и более трети — в России [11].

Малый бизнес способствует формированию новых рынков. Небольшие предприятия появляются там, где предприниматели чувствуют неудовлетворенную потребность покупателей в каком-либо виде благ или видят возможность создать ранее не существовавшую потребность. Например, открытие кафе, торгового павильона, сервиса по ремонту приводит к возникновению нового вида услуг. Таким образом, происходит диверсификация местной экономики, повышение ее устойчивости. Высокая плотность и разнообразие специализаций компаний способствуют адаптации экономики к долгосрочным изменениям. Появление новых игроков на рынке усиливает конкуренцию, увеличивает объем предложения, что приводит к снижению цен. В результате у населения высвобождаются финансовые ресурсы, которые оно может направить на потребление других благ, что, в свою очередь, оказывает повышающее давление на совокупный выпуск.

Формирование среднего класса путем увеличения числа и доли предпринимателей в составе населения может способствовать распространению единых прогрессивных норм и правил на все сообщество и в конечном счете развитию инклюзивных институтов [39, 40, 41, 42].

Анализ перечисленных механизмов дает основания утверждать, что развитие малого и среднего предпринимательства в регионе способно оказывать прямое и косвенное влияние на уровень экономического развития. Упомянутый анализ выступает также обоснованием эмпирической проверки этой гипотезы на реальных данных.

Наши расчеты соответствуют представленным в аналогичных зарубежных исследованиях [34, 35, 36] и показывают, что в регионах России с развитым предпринимательством выше производительность экономики, иными словами, выше уровень экономического развития. В качестве зависимой переменной использовалось отношение ВРП к численности рабочей силы (табл. 4). Для приведения значений за разные годы в сопоставимые цены применялся индекс физического объе-

ма ВРП. Мы дополнили модель Мэнкью — Ромера — Вейла [43], учитывающую (в соответствии с исследованием [34]) характеристики физического и человеческого капитала, а также плотность предпринимательской деятельности в регионе — число малых и микрофирм в расчете на 1 тыс. чел. рабочей силы. Если плотность предпринимательской деятельности в регионе выше на 1%, производительность экономики в нем выше на 0,1–0,2% с учетом концентрации человеческого и физического капитала.

Более подробно различные подходы к построению упомянутой выше модели описаны в статье [43]. Показано, что более благоприятные институциональные условия способствуют привлечению инвестиций, расширению сферы кредитования и развитию малого и среднего бизнеса. Это, в свою очередь, может привести к повышению уровня регионального развития. Важно, что в период после 2009 г. преимущество получают регионы с низкими рисками для инвесторов и высокой активностью предпринимателей, то есть роль благоприятных условий для развития предпринимательства возрастает.

На временном горизонте 2020–2030 гг. несколько глобальных трендов будут определять возрастающую роль предпринимательства и частной инициативы в социально-экономическом развитии России.

ПОВЫШЕНИЕ КОНКУРЕНЦИИ НА РЫНКЕ ТРУДА

Сочетание объективных демографических процессов и соответствующих государственных инициатив в указанной сфере может привести к повышению конкуренции на рынке труда в 2020-е гг., в том числе на фоне низких темпов роста экономики. Росту конкуренции будут способствовать повышение пенсионного возраста и вхождение в трудоспособный возраст относительно многочисленного поколения 2000-х гг. Впрочем, в последние годы численность рабочей силы и объем занятости сократились по сравнению с максимальными значениями в 2016 г. (рис. 5).

В условиях старения населения и повышения пенсионного возраста особую роль приобретают механизмы поддержки «се-

Рис. 5. Динамика рабочей силы, занятости и числа работников в секторе МСП в России в 2008–2019 гг.

Источник: [14].

ребряного предпринимательства», то есть открытие и ведение бизнеса лицами старших возрастов [44].

Более того, смена технологий и глобальные процессы автоматизации могут привести к существенному сокращению занятости в России в 2020–30-е гг. Принципиальным отличием цифровой экономики является ускоренное формирование умных систем: умного города, умного дома, интеллектуальных транспортных систем с автопилотируемыми средствами передвижения, магазинов и складов без персонала, интерактивных систем дистанционного обучения, систем поддержки принятия решений и др. Многие из новых технологий являются подрывными, то есть приведут к ликвидации или существенной трансформации целых отраслей экономики, а соответственно, и рынков труда. Последнее связано и с активными процессами роботизации. Роботы смогут осуществлять в первую очередь рутинную деятельность, то есть постоянно повторяющиеся, разбивающиеся на простые действия операции, такие как сбор и обработка данных, перемещение грузов, продажа товаров и услуг, заполнение форм и т. д. Впрочем, по мере обучения системы искусственного интеллекта смогут проникать во все более сложные сферы. Возможные последствия для заня-

тости и социальной сферы слабо предсказуемы. Потенциально высоко автоматизируемыми считаются наиболее распространенные в России профессии: водители, продавцы, грузчики, охранники и др. [45, 46], которые составляют приблизительно 25 млн чел.

По нашим расчетам, при одномоментном внедрении новых технологий около половины рабочих мест (20,1 млн чел.) в России будут подвержены процессам автоматизации и цифровизации [45, 47]. Безусловно, этот процесс растянется на десятилетия и речь не идет о массовых увольнениях [5]. Но цифровизация приведет к необходимости переобучения значительного числа граждан. Причем принципиально возрастет значение творческого потенциала человека, его способности создавать новое. В условиях, когда рутинные функции станут выполнять робот, человеку останется все меньше сфер для привычной занятости¹. Фактически безальтернативным вариантом обеспечения массовой занятости становится создание нового бизнеса как формы творчества и самореализации [48].

Доля потенциально подверженных автоматизации рабочих мест в России достигает 45,5%, но она различна по регионам. Выше риски в регионах с развитой обрабатывающей промышленностью, где перспективно внедрение промышленных роботов: Ленинградской, Владимирской, Калужской, Липецкой, Пензенской Вологодской областях, Удмуртии. Высоки риски в добывающих регионах: Ханты-Мансийском автономном округе, Оренбургской и Белгородской областях. При этом на сегодняшний день в России очень низкий уровень внедрения промышленных роботов — четыре промробота на 10 тыс. жителей, а в мире — более 85 [49].

Исходя из результатов анализа предыдущих волн распространения новых технологий в России [50], можно утверждать, что при ускоренной автоматизации и роботизации возникнет риск разрыва между темпами высвобождения рабочих мест и темпами переподготовки кадров, создания новых рабочих

¹ Второй широко обсуждаемой альтернативой называется введение безусловного дохода. Но эта идея в полной мере пока не реализована ни в одной стране мира.

мест. Часть граждан может оказаться не готова к переобучению, профессиональному творчеству, конкуренции с роботами, они могут сформировать сектор «экономики незнания» [45]. Отчет Boston Consulting Group [51] показал, что около 80% занятых не готовы работать на высококонкурентных, технологически сложных рынках. Многие сотрудники фактически заняты низкоквалифицированным трудом, требующим выполнения рутинных действий, и не стремятся повышать уровень своей квалификации. Социальные риски ниже, а возможности адаптации выше в технологически развитых регионах с повышенной долей горожан, предпринимателей, образованных и состоятельных граждан, низким неравенством [45, 52].

Уже сейчас следует больше внимания уделить инструментам адаптации населения, в том числе созданию экосистемы поддержки предпринимательства [25]. Предпринимательство, повторим, способно стать реальной альтернативой работе по найму, обеспечивая людей заработком и создавая новые рабочие места. По нашим расчетам [48], в регионах с более высокой плотностью предпринимательской деятельности выше возможности развития информационных технологий, а соответственно, лучше условия для адаптации к вызовам цифровой экономики.

На фоне повышенной концентрации населения и хозяйственной деятельности в крупных агломерациях [53] в слабо-развитых регионах, труднодоступных и малонаселенных поселениях предпринимательство остается одним из немногих источников создания рабочих мест, обеспечения местного населения товарами и услугами. Предпринимательство и самозанятость — зачастую единственная возможность обеспечить приемлемый уровень жизни там, где не присутствуют федеральные вертикально интегрированные компании, а бюджетный сектор мал, где налицо дефицит рабочих мест и ненасыщенные локальные (местные) рынки.

ПОВЫШЕНИЕ РОЛИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ СТАРТАПОВ

При смене технологических укладов в соответствии с концепцией предпринимательской экономики [33] роль малых компа-

ний в технологическом и экономическом развитии принципиально повышается. Внедрение цифровых технологий приводит к существенной минимизации транзакционных издержек за счет электронного документооборота, уберизации сервисов [54]. Распространение цифровых платформ кардинально расширяет возможности выхода на рынки для малых и средних компаний. Например, развитие платформы Alibaba для дистрибуции продуктов позволило создать и масштабировать деятельность более чем 10 млн малых фирм только в Китае [55]. Фактически у предприятий появилась возможность доступа к любым субподрядчикам, поставщикам и клиентам по всему миру. Существенно увеличились ресурсы малых фирм по кастомизации продукции и сервисов.

Идет формирование новых технологических рынков [56]. Сегодня в мире насчитывается более 200 бывших стартапов, которые стали компаниями-«единорогами» с капитализацией более 1 млрд долл. США [57, 58]. Они достигли этой стоимости за 2–7 лет; ранее для компаний традиционных секторов экономики на это требовалось 20–30 лет. Кроме того, с появлением и распространением свободного ПО произошло кардинальное сокращение затрат на приобретение программного обеспечения, что в разы снизило издержки стартапов в сфере информационных технологий и близких отраслях.

Диверсификация экономики и экономический рост в России уже невозможны без формирования новых бизнесов не в последнюю очередь потому, что в условиях смены технологий, развития альтернативной энергетики, изменения структуры экономики развивающихся стран возможно долгосрочное снижение спроса на сырьевые товары — основу российской экономики [3].

Многие крупнейшие компании высокотехнологичного сектора в России («Яндекс», Kaspersky, АBBYY, «Вымпелком», «Интерскол», «Технониколь», «Герофарм», GS Group и т. д.) создавались как стартапы [46, 58] (рис. 6).

Перспективные рынки цифровой экономики в России с большой вероятностью будут заполняться вчерашними и сегодняшними малыми фирмами (если не будут монополизированы зарубежными ТНК). При этом средний возраст успешных

Рис. 6. Крупнейшие компании высокотехнологического сектора России

Источник: [46].

компаний в России составляет 10–15 лет. То есть, чтобы сформировать точки роста к 2030 г., необходима новая политика поддержки стартапов уже сейчас. Кейсы отдельных российских регионов и городов демонстрируют значимую роль предпринимательства в формировании новых отраслей: инжиниринг в Тольятти, информационные технологии в Республике Татарстан, радиоэлектроника и биотехнологии в Томске, робототехника в Пермском крае и др.

Таким образом, поддержка предпринимательства должна рассматриваться как один из факторов, с одной стороны, инновационного развития и улучшения отраслевой структуры экономики, а с другой — социального развития и обеспечения стабильно высокого уровня занятости.

1.3. СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ЦЕЛИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ПОЛИТИКИ

В соответствии с глобальными трендами малое и среднее предпринимательство стало одним из приоритетов государствен-

ной политики в России. В 2016 г. была разработана и принята Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года (далее — Стратегия МСП) [2], действие которой предполагается продлить до 2036 г. [59]. В рамках исполнения майского указа президента [1] реализуется национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» [18], рассчитанный на период с 2018 по 2024 г. На реализацию нацпроекта планируется выделить 481,4 млрд руб. (табл. 2), что составляет лишь 1,9% от общего бюджета национальных проектов, но примерно вдвое превышает объем выделенных субсидий на поддержку МСП с 2008 г. [60]. Причем из федерального бюджета в общей сложности поступит 86,5% средств, из региональных бюджетов — 2,3%, а объемом внебюджетного финансирования составит 11,2%.

Таблица 2. Распределение бюджета национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» между федеральными проектами

Федеральный проект	Бюджет, млрд руб.
Расширение доступа субъектов МСП к финансовым ресурсам, в том числе к льготному финансированию	261,8 (54,4%)
Акселерация субъектов МСП	167,9 (34,9%)
Создание системы поддержки фермеров и развитие сельской кооперации	40,8 (8,5%)
Популяризация предпринимательства	8,5 (1,8%)
Улучшение условий ведения предпринимательской деятельности	2,5 (0,5%)
Всего	481,4

Национальный проект МСП устанавливает три целевых показателя для мониторинга успешности реализации проекта (табл. 3).

Мониторинг достижения установленных целевых ориентиров сопряжен с рядом трудностей. Во-первых, данные по доле МСП в ВВП публикуются с задержкой в два года; во-вторых, дан-

Таблица 3. Целевые индикаторы национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы»

Цель	Базовое значение	2024 г.
Численность занятых в сфере МСП, включая ИП, млн чел.	19,2 (1 июля 2018 г.)	25
Доля МСП в ВВП, %	22,3 (31 декабря 2017 г.)	32,5
Доля экспорта МСП, включая ИП, в общем объеме несырьевого экспорта, %	8,60 (31 декабря 2017 г.)	10

ные по доле экспорта МСП отсутствуют в открытых источниках; в-третьих, не ясно, как учитывать индивидуальных предпринимателей в численности занятых в секторе МСП, избегая двойного счета. В России занятие индивидуальным предпринимательством часто совмещается с основной занятостью в другом месте (на малом или среднем предприятии, или в крупной

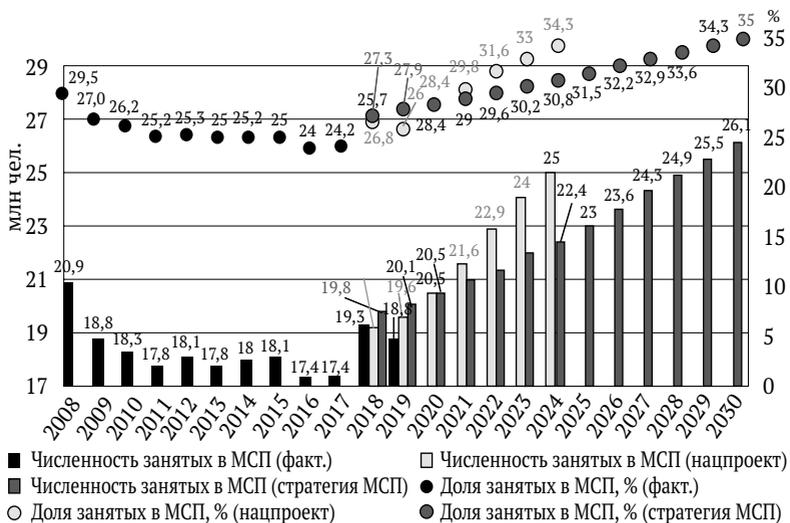

Рис. 7. Соотношение целей по занятости в МСП, установленных Стратегией МСП и национальным проектом, с фактическими значениями занятости в секторе МСП в России

Источник: [18, 2, 61, 13].

фирме, или в государственном секторе). Еще острее эта проблема встает для расчета доли занятых в секторе МСП в общем числе занятых. В рамках национального проекта планируется увеличить долю занятых в МСП до 34,3% (рис. 7).

Достичь этого уровня предполагается главным образом за счет легализации самозанятых. При этом общую численность занятых в МСП планируется увеличить к 2024 г. до 25 млн чел. Это на 2,6 млн больше, чем было запланировано в Стратегии МСП, хотя фактическое значение показателя снижалось с 2008 по 2017 г. Цель по достижению к 2024 г. 25 млн чел., занятых в МСП, потребует увеличения сектора более чем на 6 млн чел. (примерно на 33%) за пять лет, причем на фоне сокращения численности рабочей силы в последние три года в России.

К 2024 г. в рамках реализации национальных проектов «Цифровая экономика Российской Федерации», «Образование», «Производительность труда и поддержка занятости», «Международная кооперация и экспорт» планируется существенное увеличение производительности труда на крупных предприятиях и в бюджетном секторе. Существует опасность, что в условиях сохранения недостаточно высоких темпов роста экономики это может привести к существенному сокращению занятости. В частности, по оценкам ЦМАКП [54], около 12,5 млн чел. могут быть высвобождены при реализации национального проекта и соответствующей государственной программы по развитию цифровой экономики. Как показывает опыт сокращений на крупных предприятиях (например, ПАО «АвтоВАЗ»), значительная часть бывших работников будет вынуждена трудоустроиться в секторе МСП, в том числе создать собственные фирмы и стать самозанятыми (водителями, торговцами и т. д.) При реализации указанного сценария доля занятых в малом и среднем предпринимательстве и неформальной занятости может увеличиться с 37 до 50,2% (рис. 8).

В целом, исходя из текущих трендов сокращения численности занятых в МСП (рис. 1 и 2), такой сценарий маловероятен, но тем не менее возможен при выполнении следующих условий. Во-первых, реализуется прогноз Минэкономразвития России по численности занятых в России в 2024 г. — 72,8 млн чел. (сейчас — 72,1 млн чел.), хотя в последние три года численность рабочей

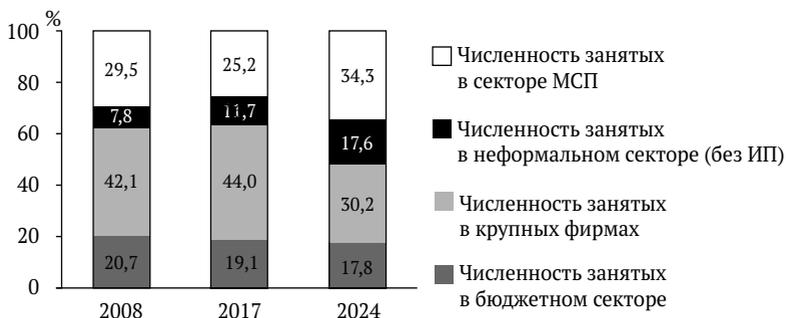

Рис. 8. Динамика рабочей силы, занятости и числа работников в секторе МСП в России в 2008–2019 гг.

Источник: [17].

силы сокращается и уже ниже уровня 2008 г., а численность занятых в России в 2019 г. ниже максимального значения 2016 г. Во-вторых, в полном объеме будут реализованы национальные проекты «Цифровая экономика», «Повышение производительности труда», что приведет, по оценкам ЦМАКП, к сокращению занятых на крупных предприятиях на 10 млн чел. [54]. В-третьих, будет достигнуто целевое значение национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» по численности занятых в секторе МСП — 25 млн чел. (в 2018 г. — 19,2 млн чел.). В-четвертых, в результате повышения производительности труда и цифровизации в бюджетном секторе сохранятся темпы сокращения бюджетного сектора — 6%, характерные для 2017–2024 гг.

Целевые ориентиры на 2024 г. по доле МСП в ВВП в Стратегии и национальном проекте МСП совпадают (и составляют 32,5%). Однако в национальном проекте промежуточные цели с 2017 по 2023 г. ниже, чем в Стратегии МСП (рис. 9). В Стратегии МСП предполагался ежегодный рост данного показателя на 1,25%, начиная с 20% в 2014 г. Базовое (фактическое) значение доли МСП в ВВП в 2017 г. было оценено составителями национального проекта в 22,3%, хотя позже Росстат опубликовал данные о более низкой доле — 21,9%, поэтому уже в 2017 г. можно констатировать невыполнение этой цели. Нестабильная динамика доли МСП в ВВП

Рис. 9. Соотношение целей по доле МСП в ВВП, установленных Стратегией МСП и национальным проектом, с фактическими значениями доли МСП

Источник: [14, 15, 2, 18].

в 2011–2017 гг. на фоне усиления налогового контроля, роста государственного сектора (~46%) и падения доходов населения увеличивает риски невыполнения национального проекта МСП.

Сопоставив ИНН из Единого реестра субъектов МСП и данные таможенных деклараций Федеральной таможенной службы (табл. 4), можно сделать вывод, что доля сектора МСП, включая ИП, в несырьевом экспорте в России в 2018 г. достигла 8,71%. Динамика экспорта сектора МСП и числа фирм-экспортеров в России в условиях сокращения внутреннего рынка и благодаря деятельности региональных экспортных центров в целом положительная. Это дает основания полагать, что целевые значения будут достигнуты.

Таблица 4. Целевой индикатор национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы»

	Фактическое значение		Целевой ориентир	
	2017	2018	2019	2024
Доля сектора МСП, включая ИП, в несырьевом экспорте в России, %	7,20	8,71	8,8	10,0

Источник: расчеты авторов по данным ФНС России и ФТС России

2. Улучшение условий ведения предпринимательской деятельности

2.1. Достижения предыдущих лет

Россия поднялась в рейтинге Doing Business со 124-го места в 2010 г. на 28-е место в 2019 г. [62]. Наиболее заметным в 2019 г. оказалось продвижение по следующим направлениям: ускорение процесса подключения бизнеса к электросетям, упрощение налоговых процедур и усиление защиты миноритариев. Однако нельзя забывать, что рейтинг оценивает состояние институциональной среды только в Москве и Санкт-Петербурге, поэтому нельзя говорить, что рейтинг отражает всю специфику институциональных условий в регионах России [63].

С 2016 по 2018 г. в части проведения плановых проверок для малого и среднего бизнеса действовали надзорные каникулы. Позднее налоговые каникулы были продлены до 2020 г., возможно их повторное продление до 2024 г. Общее количество проверок при осуществлении федерального государственного контроля (надзора) сократилось с 2011 г. более чем в 2 раза (рис. 10): с 3,6 млн проверок в 2011 г. до 1,4 млн проверок в 2018 г. Причем уменьшалось число не только плановых, но и внеплановых проверок. Если в 2011 г. на десять предприятий МСП (включая ИП) приходилось восемь проверок, то к 2017 г. этот показа-

2. УЛУЧШЕНИЕ УСЛОВИЙ ВЕДЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

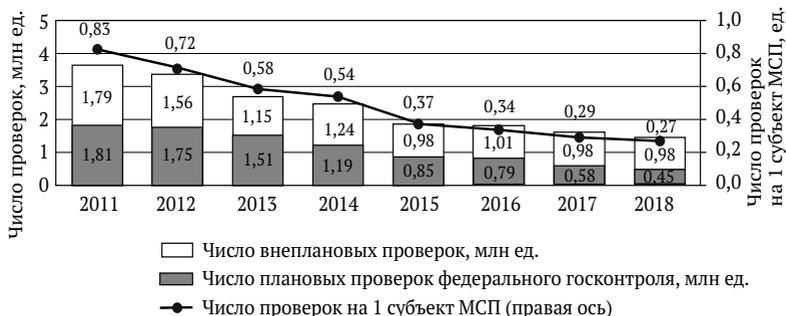

Рис. 10. Динамика числа плановых и внеплановых проверок в России

Источник: ГАС «Управление», Росстат.

тель снизился до трех проверок на десять предприятий (то есть приблизительно в 3 раза).

В течение 2010–2018 гг. в России наблюдалось снижение общего числа преступлений экономической направленности с 276 до 109 тыс. (рис. 11). Также снизилось число преступлений в расчете на 10 тыс. чел. населения (с 20 до 7 преступлений).

Достижение целевых показателей развития МСП во многом опирается на использование ресурсов налоговой полити-

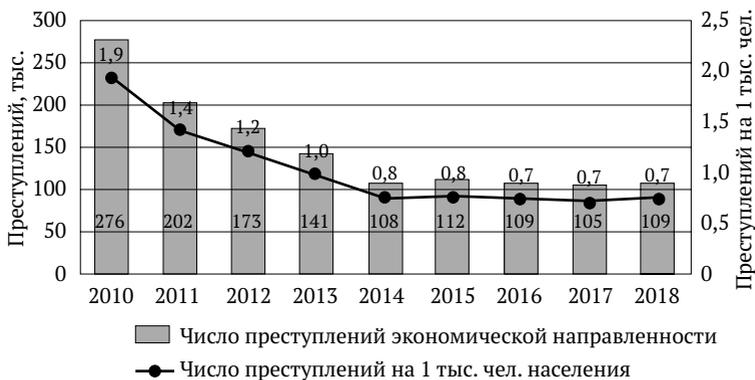

Рис. 11. Динамика числа преступлений экономической направленности в России

Источник: ЕМИСС [17].

ки, то есть совокупности фискальных механизмов стимулирования предпринимательской активности. На сегодняшний день в России сформирован фундамент налоговой поддержки МСП, включающий в себя целый ряд специальных налоговых режимов, применение которых гарантируется Федеральным законом от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ. К их числу относится прежде всего упрощенная система налогообложения (УСН), которая представляет собой налоговый режим, почти универсальный по видам деятельности, применяемый как организациями, так и индивидуальными предпринимателями и предусматривающий уплату единого налога с реального финансового результата налогоплательщика (дохода или прибыли). Наряду с УСН действует патентная система налогообложения (ПСН), ориентированная на микробизнес в лице индивидуальных предпринимателей (ИП), а также единый налог на вмененный доход для отдельных видов деятельности (ЕНВД). Система налогообложения для сельскохозяйственных товаропроизводителей (ЕСХН) является налоговым режимом для малого бизнеса, поскольку его применяют субъекты данного сектора экономики. С 2019 г. официально выделена категория самозанятых лиц, в связи с чем предусмотрен еще один налоговый режим, а именно налог на профессиональный доход (НПД), который отличается предельно низкой налоговой нагрузкой и крайне простой системой администрирования.

Налоговое стимулирование МСП стало одним из основных механизмов развития предпринимательства в России. Так, о специальных налоговых режимах для МСП так или иначе говорится во всех Основных направлениях налоговой политики, которые утверждались с 2009 по 2016 г., а также принимаемых с 2017 г. Основных направлениях бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики.

Рассматривая налоговую политику России в сфере малого и среднего бизнеса, необходимо учитывать три ее особенности.

Во-первых, специальные налоговые режимы остаются доминирующей в России моделью налоговой поддержки предпринимательской инициативы. Дискуссии о целесообразности и масштабах изменений налоговой системы, затрагивающих интересы малого бизнеса, сходятся на необходимости разви-

2. УЛУЧШЕНИЕ УСЛОВИЙ ВЕДЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

тия стимулирующих механизмов на основе режимов, альтернативных общей системе налогообложения. Как известно, МСП можно поддерживать с помощью отдельных налоговых преференций, являющихся по сути отступлениями от стандартного порядка уплаты тех или иных налогов. И хотя такая модель, безусловно, имеет свои преимущества, делая налогообложение более простым и понятным, применение специальных налоговых режимов обусловлено не только сложившейся структурой российской налоговой системы, но и тем, что такие режимы позволяют добиться параллельного существенного снижения административной и налоговой нагрузки на бизнес.

Во-вторых, созданная в России система налоговой поддержки МСП находится в постоянном движении, периодически пересматривается и дополняется в соответствии с принципом максимального налогового благоприятствования. Доказательством тому в первую очередь служит значительное расширение периметра УСН, введение права облагать доходы при УСН по ставке всего 1%, установление механизма освобождения новых индивидуальных предпринимателей от уплаты единого налога («налоговые каникулы») по решениям субъектов Российской Федерации.

Активно участвуют в разработке вариантов снижения фискально-административной нагрузки на МСП как органы власти, так и бизнес-сообщество. Причем стремление усилить стимулирующую роль налоговой системы по отношению к малому бизнесу (а не оставить все как есть) определено главным образом далеко не самым лучшим положением сектора МСП в российской экономике. Его доля в ВВП России, по данным Росстата за 2017 г., составила всего 21,9%. Увеличение этого показателя до 40% потребует как совершенствования действующих, так и создания новых инструментов налогового благоприятствования.

В-третьих, общая концепция применения специальных налоговых режимов строится на ранжировании налоговых условий по масштабу предпринимательской деятельности. В частности, для самозанятых граждан как предпринимателей, самостоятельно зарабатывающих доходы без работников и работодателя, предусмотрен самый простой и предельно льгот-

ный режим НПД с доходами до 2,4 млн руб.; для тех, кто нанимает работников и (или) получает доходы в пределах 60 млн руб. в год, установлен режим ПСН, где обязательна регистрация в качестве ИП; тот, кто увеличивает свои доходы или даже организует бизнес как самостоятельное юридическое лицо, также вправе применять УСН. При этом не исключается пересечение налоговых режимов.

В 2018 г. специальные налоговые режимы использовались подавляющим большинством субъектов МСП, из них 54,7% применяли упрощенную систему налогообложения (УСН), 36,6% — единый налог на вмененный доход (ЕНВД). Доля налогоплательщиков, использующих патентную систему, выросла с 2013 г., когда она была введена, до 6,8% в 2018 г. (рис. 12). Доля УСН в поступлениях от специальных налоговых режимов составляет 82,3%, число плательщиков ЕНВД, наоборот, снижалось с 2013 г., что частично может быть связано с отменой ЕНВД в 2014 г. в Москве.

С 1 января 2019 г. до 31 декабря 2028 г. в Москве, Московской и Калужской областях и Республике Татарстан начался эксперимент по введению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход». Налоговый режим администри-

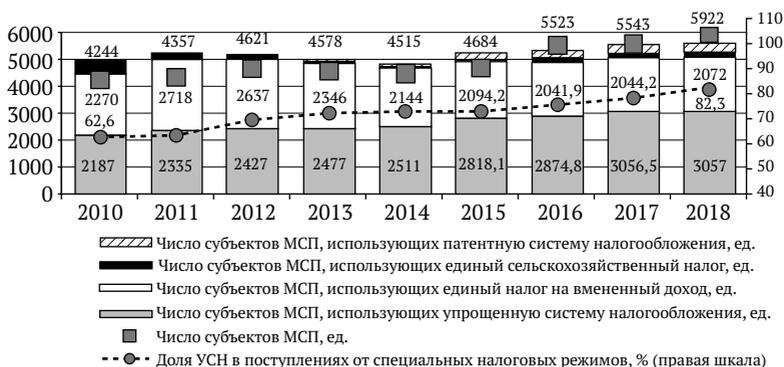

Рис. 12. Число субъектов, использовавших специальные режимы налогообложения в России в 2010–2018 гг.

Источник: ФНС России [64].

2. УЛУЧШЕНИЕ УСЛОВИЙ ВЕДЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

руется в автоматическом режиме с помощью мобильного приложения или личного кабинета «Мой налог». При этом самозанятому не нужно сдавать отчетность и платить фиксированные страховые взносы. Новый режим предусматривает две налоговые ставки: 4% — при оказании услуг и продаже физическим лицам и 6% — юридическим лицам и ИП. При этом в эти ставки уже включены отчисления в Фонд обязательного медицинского страхования. На время эксперимента, до конца 2028 г., ставки увеличены не будут. Участники эксперимента имеют право на налоговый вычет в размере 10 тыс. руб., который можно использовать для уменьшения налога.

На текущий момент в приложении для самозанятых зарегистрировалось около 162 тыс. чел., по плану на 2019 г. — 200 тыс.

Стоит отметить, что бухгалтерское и налоговое определение субъекта малого и среднего предпринимательства не совпадают. Расхождения между бухгалтерским и налоговым учетом возникают из-за разницы в подходах, предусмотренных законодательством по бухгалтерскому учету и НК РФ. Это объясняет расхождение между числом субъектов МСП и числом субъектов, использующих специальные режимы налогообложения (рис. 12).

В целом за последние десять лет наблюдается рост общего числа субъектов МСП приблизительно в 1,3 раза: с 4,1 млн субъектов в 2008 г. до 5,8 млн в 2019 г. Частично это может быть результатом улучшения бизнес-климата (включая и фискальную политику в отношении малого бизнеса), хотя в большей степени связано с изменением критериев и статистических методик.

2.2. ПРОБЛЕМЫ И УГРОЗЫ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА

По словам российского бизнес-омбудсмена Бориса Титова, ссылающегося на опрос, проведенный Службой спецсвязи и информации ФСО в марте 2019 г., свыше 66,5% предпринимателей негативно оценивают ситуацию с защитой своих прав и законных интересов¹. Причем почти половина (49,1%) опро-

¹ <https://tass.ru/msp/6477934>.

шенных предпринимателей считают, что за последний год ситуация с защитой прав предпринимателей ухудшилась.

Несмотря на готовящийся к принятию проект комплексного закона о государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле, сохраняются риски, связанные с недостаточной регламентацией контрольно-надзорных требований. Например, новая версия законопроекта по-прежнему допускает в ходе проверок Роспотребнадзора изъятие образцов продукции, которая в некоторых случаях не подлежит возврату. При этом максимально допустимый объем изымаемой продукции в документе не прописан¹.

Рассматривая вопросы налогового стимулирования МСП, следует иметь в виду, что поддержку от государства в форме специальных налоговых режимов получает не весь сектор МСП, а только малый бизнес, причем в первую очередь та его часть, которая относится к категории микробизнеса. Так, без учета ЕНВД, у которого нет ограничивающего условия по уровню доходов, верхняя граница выручки, до которой налогоплательщик вправе выбирать между общим и специальным налоговыми режимами, соответствует предельному значению выручки УСН, установленному с 2017 г. в размере 150 млн руб. (п. 4 ст. 346.13 НК РФ) (рис. 13). В свою очередь, критерии разграничения на микро-, малые и средние предприятия по уровню годовых доходов утверждаются Правительством Российской Федерации. С 2015 г. микропредприятиями считаются предприятия, доходы которых в год не превышают 120 млн руб. Средний бизнес, в свою очередь, остается пользователем общего налогового режима. Существуют определенные сложности при переходе из одной категории МСП в другую, что может в ряде случаев осложнять масштабирование бизнеса, хотя в целом и не создает проблему дефицита налоговой поддержки в секторе МСП.

По мере наблюдаемого в последнее время усиления фискального контроля (включая внедрение онлайн-касс, чистку реестра юридических лиц от фирм-однодневок и пр.) часть бизнеса уходит в теневой сектор. Это отчасти объясняет сокра-

¹ <http://75opora.ru/news/opora-rossii-predrekla-rost-vneplanovyh-proverok-biznesa/>.

2. УЛУЧШЕНИЕ УСЛОВИЙ ВЕДЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

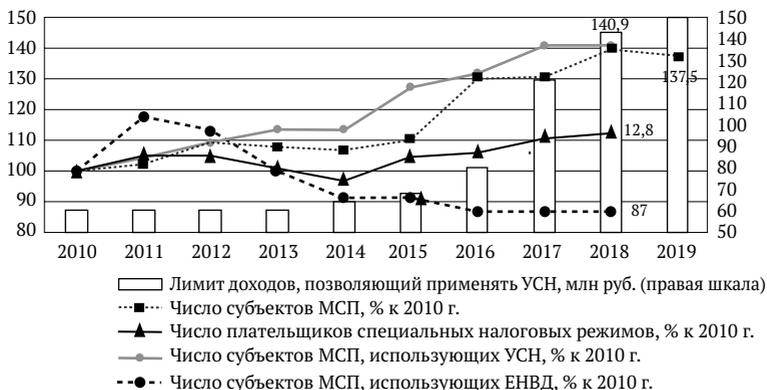

Рис. 13. Число субъектов МСП, использовавших специальные режимы налогообложения в России в 2010–2019 гг.

Источник: ФНС России.

щение числа субъектов МСП в 2019 г. на 121,5 тыс. предприятий по сравнению с предыдущим годом (август 2019 г. к августу 2018 г.). Предприниматели чувствуют усиление налогового бремени. По данным проведенных в 2019 г. опросов ВЦИОМ [65], 25% респондентов считают высокие налоги одним из основных барьеров, мешающих людям открыть свой бизнес. По данным Росстата, этот показатель существенно выше: 55% опрошенных относят высокое налогообложение (в связи с введением онлайн-касс и повышением НДС) к трем основным факторам, ограничивающим развитие малого бизнеса. В 2008 г. их доля была ниже — 44% [66]. В рейтинге Doing Business в 2019 г. в блоке налогообложения Россия опустилась с 53-го на 58-е место.

Другое объяснение сокращения числа предприятий МСП в 2019 г. — регистрационный бум новых предприятий в 2018 г., связанный с проведением в России чемпионата мира по футболу — 2018 [25]. В 13 регионах, связанных с турниром¹, прирост новых предприятий оказался выше среднерегионального

¹ Города Москва, Санкт-Петербург, Волгоградская, Калининградская, Ростовская, Самарская, Свердловская, Московская и Ленинградская области, республики Мордовия и Татарстан, где базировались некоторые сборные и проживали болельщики.

значения в 2 раза и обеспечил около 95% общего числа новых фирм (85 тыс. новых предприятий МСП). По окончании чемпионата мира 2018 г. новые предприятия постепенно закрывались, потому что не было спроса на их товары и услуги.

Более выгодные налоговые режимы для микро- и малых предприятий (УСН, ЕНВД) и ИП, отмечает ФНС России [67], могут приводить к дроблению фирм с целью налоговой оптимизации. Дробление бизнеса остается одной из наиболее популярных у налогоплательщиков налоговых схем. Механизм дробления заключается в формальном разделении одного хозяйствующего субъекта на несколько налогоплательщиков, подконтрольных взаимозависимым лицам, с последующим распределением на них выручки¹. Как таковое дробление используется для того, чтобы искусственно занижить масштабы деятельности и, вписавшись в условия применения УСН, получить доступ к этому режиму и извлечь налоговую выгоду. Увеличение предельных значений выручки УСН снижает издержки дробления. Когда указанные значения достаточно высоки, хозяйствующим субъектам легче разделять свой бизнес. Исследовать процесс дробления фирм трудно из-за невозможности проследить этот факт с помощью открытых источников. Согласно Определению Конституционного суда Российской Федерации от 4 июля 2017 г. № 1440-О, дробление бизнеса признается уходом от налогов. В 2019 г. проверки по подозрению в дроблении с целью ухода от уплаты налогов лидировали по частоте всех налоговых проверок.

Уход от налогов за счет дробления фирм, практикуемый многими бизнесменами, стал формальной причиной решения властей об отмене ЕНВД с 2021 г. При этом, что характерно, число плательщиков единого налога на вмененный доход снижалось с 2013 г. Это может означать отсутствие связи между использованием этого налога и процессом дробления фирм. Отмена ЕНВД создает серьезный риск невыполнения целей национального проекта МСП, в частности может отрицательно отразиться на числе субъектов МСП. Достаточно напомнить, что с 1 января 2014 г. система налогообложения

¹ Письмо ФНС России от 11 августа 2017 г. № СА-4-7/15895.

2. УЛУЧШЕНИЕ УСЛОВИЙ ВЕДЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

в виде единого налога на вмененный доход перестала действовать в Москве, что привело тогда к 50%-му сокращению числа субъектов МСП.

Новый налоговый режим для самозанятых (4% с доходов при оказании услуг и продаже товаров физическим лицам и 6% — юридическим лицам и ИП) может привести к падению числа индивидуальных предпринимателей (по УСН они платят 6% с доходов) вследствие их перерегистрации в самозанятых. Но пока с 2016 г. число ИП стабильно растет (в 2019 г. — на 88 тыс. предприятий). С 2020 г. пилотный проект планируется распространить на все субъекты Российской Федерации.

Высокая централизация принятия управленческих решений в России в целом, низкая бюджетная обеспеченность регионов

Таблица 5. Распределение налогов от МСП по уровням бюджетной системы в России

Налоги, которые платят МСП	Распределение по уровням бюджетной системы
УСН (15% с доходов минус расходы или 6% с доходов, 0% — отдельные случаи)	РБ — 100% (регион может установить норматив отчисления в МБ)
ЕСХН (0–6% с доходов минус расходы)	МБ: городское поселение — 50%; сельское поселение — 70%; межселенные территории — 100% РБ — остаток после отчисления в МБ
Налог на профессиональный доход (4% — для физлиц, 6% — для юрлиц)	ФБ — 37% РБ — 63%
Налог на прибыль организаций (20%): 3% — федеральная, 0–17% — региональная часть	ФБ — 100% — федеральная часть РБ — 100% — региональная часть
НДС, водный налог	ФБ — 100%
Налог на имущество организаций (до 2%), транспортный налог	РБ — 100%
Торговый сбор, земельный налог (до 1,5%), ЕНВД, патент (0–6%)	МБ — 100%

Источник: расчеты авторов.

и муниципалитетов, а также малая доля налогов, поступающих в местные бюджеты от сектора МСП (налоги идут в региональные и федеральный бюджеты), приводят к утрате местными властями заинтересованности в развитии сектора МСП.

2.3. РЕКОМЕНДАЦИИ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ПОЛИТИКИ

Общепризнано, что в долгосрочной перспективе необходим перевод всех государственных услуг для малого и среднего бизнеса и отчетности перед государством в электронный вид. Например, должна быть предусмотрена возможность полностью зарегистрировать компанию онлайн за несколько часов. При этом в России сохраняются проблемы, связанные с цифровым неравенством, правовыми ограничениями на использование электронной подписи и др. Используемый ранее эффект «низкой базы» в рейтинге Doing Business во многом исчерпан. Переход в группу лидеров предполагает использование всех соответствующих технологических возможностей. Так, например, в части реформы контрольно-надзорной деятельности следует ускорить внедрение риск-ориентированного подхода к организации проверок. Потребуется внедрение в бизнес-навигатор единого интерактивного реестра контрольно-надзорных требований (по регионам, отраслям, размеру фирм) и чек-листа проверки.

Отсутствие связи между границами применения УСН и критериями разграничения предприятий по масштабам деятельности открывает простор для дискуссии о возможности расширения сферы действия этого режима путем повышения порога по выручке вплоть до 800 млн руб. (понимаемого как значение, в пределах которого предприятие по-прежнему считается малым). Так, Общероссийская общественная организация малого и среднего предпринимательства «ОПОРА России» настаивает на повышении предельного значения выручки УСН сразу до 300 млн руб. в качестве компенсации доходов, выпадающих в связи с анонсированной с 1 января 2021 г. отменой ЕНВД¹. На наш взгляд, допустимым

¹ <https://tass.ru/ekonomika/6969398>.

является увеличение порога по выручке только в порядке индексации ее значения с учетом роста потребительских цен. Расширение границ применения УСН в принципе не является способом смягчения последствий отмены ЕНВД. Замена одного режима другим в рамках действующего законодательства не приведет к увеличению налоговой нагрузки, но будет выгодна тем налогоплательщикам, чья деятельность является настолько «малой», что не вписывается в нынешний периметр УСН и тем более других специальных налоговых режимов, где пороги по выручке еще ниже.

Расширение сферы действия УСН, во-первых, не является стимулом для деятельности начинающих предпринимателей, доходы которых в начале становления бизнеса могут быть ниже даже текущего предельного значения выручки; во-вторых, способно исказить конкурентную среду, поставив достаточно крупный бизнес в те же самые налоговые условия, в которых работает малый бизнес. Последнее противоречит самой идее УСН как режима, необходимого для выравнивания конкурентоспособности предприятий разных масштабов деятельности, поскольку малый бизнес финансово гораздо более уязвим и ему труднее занимать рыночные ниши. Отрицательные последствия радикального увеличения порогов по выручке могут также проявиться в усугублении проблемы дробления бизнеса.

Среди причин дробления бизнеса сегодня выделяется резкое возрастание налоговой и административной нагрузки в момент утраты налогоплательщиком права на применение УСН. Риски существенного ухудшения условий деятельности, сопутствующие переходу на стандартный порядок уплаты налогов, формируют у отдельных налогоплательщиков мотивацию удерживать формальные показатели своей деятельности на уровне, который позволяет оставаться в преференциальных налоговых условиях. Способом добиться этого как раз и выступает дробление бизнеса.

Решать проблему искусственного занижения показателей деятельности планируется отменой ретроспективного налогообложения. По действующим правилам, при выходе за рамки УСН налогоплательщик переводится на общий налоговый ре-

жим задним числом — с начала того квартала, в котором было допущено нарушение условий применения режима. Это ведет к обязанности доплатить налоги, равно как и восстановить данные налогового учета. Минэкономразвития России считает необходимым начать с отмены обязанности по уплате НДС, начисляя его с начала нового квартала либо нового года¹. Стоит отметить, что данное предложение (без уточнений относительно срока действия переходного налогового режима) уже включено в утвержденные Минфином России Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов и выглядит вполне конструктивным, особенно если учесть, что доначисление налогов за промежуток времени, в котором налогоплательщик фактически применял УСН и имел на это право, остается одной из наиболее важных проблем функционирования этого налогового режима.

Между тем концепция изменений в этом направлении пока недостаточно проработана. Отсрочка уплаты НДС до следующего года, по нашему мнению, является необоснованной льготой, нарушает принцип справедливости налогообложения и рассматриваться не должна. Гораздо важнее то, что налоговые послабления увязаны с превышением налогоплательщиком определенных условий применения УСН, таких как предельный уровень доходов и среднесписочная численность работников. Наряду с этими существуют и другие условия (например, ограничения по структуре капитала и остаточной стоимости основных средств), нарушение которых также препятствует дальнейшему применению УСН. Представляется недопустимой ситуация, когда фискально-административная нагрузка будет снижаться или оставаться прежней в зависимости от оснований, по которым налогоплательщик утратил право на применение УСН. Более правильно было бы переводить налогоплательщика на общий налоговый режим *после* нарушения условий применения режима начиная со следующего квартала.

¹ <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2019/04/23/800008-biznes-osvobozhden-nds>.

В упомянутых выше Основных направлениях акцентируется такая перспективная мера, как отмена обязанности индивидуальных предпринимателей, применяющих УСН и уплачивающих единый налог с доходов, представлять налоговые декларации. Реализация данной меры возможна благодаря внедрению в практику налогового администрирования информационных технологий и позволит существенно снизить административную нагрузку на малый бизнес, особенно если учесть, что, по данным ФНС России за 2018 г., почти половина лиц, применяющих УСН, представлена индивидуальными предпринимателями, которые исчисляют и уплачивают единый налог именно с доходов. Равновыгодность объектов налогообложения будет определяться не только соотношением доходов и расходов, но и уровнем административной нагрузки, что сделает налоговый режим более гибким, а значит, комфортным для налогоплательщиков и эффективным для государства.

Среди других инициатив, касающихся упрощенной системы налогообложения, но не нашедших отражения в налоговой части Основных направлений, следует упомянуть предложение «ОПОРЫ России» предусмотреть в главе 26.2 НК РФ «минимальный размер площади помещения, не облагаемого налогом на имущество от кадастровой стоимости, в размере не менее 500 кв. м»¹. Это предложение разумно, поскольку с 1 января 2015 г. переход на УСН не освобождает от обязанности по уплате налога на имущество с объектов недвижимого имущества, налоговая база по которым определяется как их кадастровая стоимость. В то же время экономический смысл единого налога заключается не только в особом порядке определения элементов налогообложения, но и в том, что его уплата заменяет собой уплату ряда налогов, предусмотренных общим налоговым режимом. Но, как показывает практика, единый налог постепенно утрачивает свое ключевое свойство быть единым, поскольку с 1 января 2010 г. он более не заменяет отчисления на социальные нужды (в связи с отменой единого социального налога и установлением страховых взносов), а теперь не заменяет и налог на имущество, исчисляемый с кадастровой сто-

¹ <https://www.kommersant.ru/doc/4117539>.

имости. При этом в тех же Основных направлениях ставится задача расширить состав объектов налогооблагаемой недвижимости, учитывая в налоговых целях по кадастровой стоимости не только основные средства, но и иные объекты недвижимости. На практике это позволит заменять единым налогом лишь два налога: на прибыль/доходы и НДС, причем по второму также предусмотрены исключения.

Следует обратить внимание, что возврат страховых взносов в налоговое законодательство с 1 января 2017 г. никак не повлиял на состав платежей, заменяемых единым налогом, поскольку страховые взносы не считаются налогами, хотя и регулируются в НК РФ. На этом фоне создание преференций в контексте имущественного налогообложения для тех, кто применяет УСН, выглядит перспективной идеей, однако возможности ее практической реализации находятся на стыке фискальных целей, заложенных в реформу имущественного налогообложения в РФ, и целей стимулирования российского малого бизнеса.

Таким образом, в русле развития упрощенной системы налогообложения целесообразно:

- 1) повысить адресность режима, связав предельное значение выручки УСН с категорией микропредприятий по величине доходов, устанавливаемой Правительством Российской Федерации;
- 2) считать налогоплательщика утратившим право на применение УСН после нарушения условий применения режима, а именно с начала квартала, следующего за кварталом, в котором было допущено нарушение условий (независимо от того, какие именно условия были нарушены);
- 3) закрепить практику индексации предельных значений дохода, на основании которых осуществляется разграничение предприятий на микро-, малые и средние, для регулярной корректировки периметра УСН на уровень инфляции. При этом реализация данной меры, подходящая для УСН, улучшит положение МСП в целом, поскольку в настоящее время индексация этих значений Правительством Российской Федерации не предусмотрена. А это выводит часть малого и сред-

2. УЛУЧШЕНИЕ УСЛОВИЙ ВЕДЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

него бизнеса за рамки государственной поддержки, включая и неналоговые меры стимулирования;

- 4) предусмотреть возможность снижения нагрузки по уплате налогов на имущество с кадастровой стоимости объектов недвижимости с учетом планируемого расширения объектов налогообложения;
- 5) рассмотреть вопрос о включении страховых взносов в состав платежей, заменяемых единым налогом (для чего, в свою очередь, необходимо приравнять страховые взносы к налогам), на основе порядка, действовавшего до отмены единого социального налога;
- 6) создать правовой механизм получения налогоплательщиком статуса плательщика НДС на добровольной основе (по выбору) с целью решения проблемы разрыва цепочек вычета НДС после перехода на УСН.

В части патентной системы налогообложения уполномоченный при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей Б. Титов предлагает «расширить пороговые значения для применения патента по доходам с 60 млн до 150 млн руб., по площади — с 50 до 150 кв. м, по числу занятых — с 15 до 50 человек», а «ОПОРА России» заявляет о необходимости закрепить право налогоплательщиков, применяющих этот налоговый режим, уменьшать сумму патентного налога на сумму уплаченных страховых взносов.

На наш взгляд, расширение периметра патентной системы налогообложения экономически нецелесообразно — данный налоговый режим не должен превращаться в аналог УСН и применяться предпринимателями, чей уровень доходов позволяет платить налоги по правилам действующей «упрощенки». Следует учитывать, что патентный налог рассчитывается с вмененного дохода, который может быть ниже или выше реального финансового результата. Во втором случае возникает эффект дополнительного льготирования, поскольку наряду с применением пониженной налоговой ставки из-под налогообложения выводится часть полученного налогоплательщиком дохода. Данный порядок исчисления налога является компромиссом между эффективностью налогового администрирования для государства и удобством уплаты налога с относительно

небольших доходов предпринимателя, способом легализации предпринимательской деятельности и снижения издержек налоговых органов. Там же, где доходы высоки, в определении налоговой базы должны участвовать показатели фактически полученных доходов/прибыли во избежание роста выпадающих доходов бюджетной системы из-за необложения реального дохода в сумме превышения над величиной вмененного (налогооблагаемого) дохода.

В то же время недостатком норм, регулирующих границы применения ПСН, является, на наш взгляд, заморозка верхней границы доходов, свыше которой налогоплательщик утрачивает право на применение «патента» в размере 60 млн руб. (пп. 1 п. 6 ст. 346.45 НК РФ). Следует отметить, что это значение действует с 2013 г., когда была установлена сама патентная система, и с тех пор ни разу не индексировалось. Представляется, что одним из направлений развития патентной системы является периодическое доведение ее финансового ограничения до текущего уровня цен с помощью механизма индексации на коэффициент-дефлятор, что позволит смягчить условия применения этого налогового режима.

В свою очередь, создание правового механизма снижения патентного налога на сумму страховых взносов обосновано и соответствует принципу нейтральности налогообложения. Важно учитывать, что патентная система налогообложения предусматривает исчисление налога с вмененного дохода, как и единый налог на вмененный доход для отдельных видов деятельности. При этом в случае с ЕНВД страховые взносы могут быть учтены при расчете налогового обязательства. Более того, при переходе на УСН с объектом налогообложения «доходы» единый налог также разрешено уменьшать на страховые взносы. Переход на ПСН исключает возможность засчитывать сумму уплаченных страховых взносов в счет налогового обязательства по патентному налогу. А это не вписывается в концепцию режима, допускающего привлечение работников по найму и при этом не отменяющего для предпринимателя обязанность производить отчисления на социальные нужды.

Наряду с этим Б. Титов полагает необходимым пролонгировать действие ЕНВД до 2024 г., закрепив верхний предел годо-

вого оборота для целей применения режима¹. Хотя режим востребован со стороны значительной части налогоплательщиков, его дальнейшее применение не отвечает ни целям поддержки малого бизнеса, ни фискальным интересам государства. Выше было отмечено, что трансформация УСН в формате двукратного увеличения предельных значений выручки предлагается в порядке компенсации потерь от отмены ЕНВД, из чего следует, что на ЕНВД сегодня могут находиться лица, доходы которых не соответствуют тем масштабам деятельности, при которых государство готово поддерживать бизнес с помощью налоговых преференций. Это подтверждается и данными ФНС России, согласно которым «средний размер вмененного дохода плательщика ЕНВД составляет 450 тыс. руб. в год, а средняя выручка, по данным онлайн-ККТ, более 12 млн руб. в год, то есть в 27 раз больше среднего вмененного дохода»². Как следствие, средняя ставка налога у плательщиков ЕНВД составляет лишь 0,81%. Отсюда следует, что структура пользователей режима по масштабам деятельности далеко не однородна. В отсутствие порогов по выручке он приобрел черты легального инструмента налоговой оптимизации, обеспечивающего снижение налоговых обязательств при формальном выполнении условия по численности работников (не должна превышать 100 чел.) и тем самым создающего возможности для дробления бизнеса. Соответственно, использование режима ЕНВД отрицательно влияет на конкурентную среду. Даже если включить в его параметры границу доходов, ЕНВД на фоне активного применения онлайн-касс все равно с точки зрения фискальных интересов государства уже утратил свое значение как механизм налогового контроля видов деятельности с высокой долей оборота наличных денежных средств.

В целом приоритетами налогового стимулирования МСП должны быть повышение адресности и целевой направленности специальных налоговых режимов; акцент на качественное, а не количественное реформирование их параметров (то есть на повышение эффективности и удобства применения дей-

¹ <https://tass.ru/msp/6808898>.

² <https://www.kommersant.ru/doc/4074995#mishustin>.

ствующих налоговых механизмов, а не на расширение границ их применения); недопущение злоупотреблений такими режимами, в первую очередь их использования ради налоговой выгоды лицами, которые лишь формально относятся к категории малого бизнеса.

Чтобы создать у местных властей стимулы для развития сектора МСП, следует рассмотреть возможность передачи УСН в местные бюджеты. Это позволит компенсировать часть потерь муниципальных бюджетов от отмены ЕНВД (64 млрд руб., 12,4% всех поступлений от спецрежимов) и создать дополнительную мотивацию для поддержки МСП на местном уровне (формирование инкубаторов, коворкингов, популяризация мер поддержки, консалтинг и т. д.) Отметим, что в 48 регионах уже существует подобная практика (табл. 6).

Таблица 6. Передача поступлений от УСН регионами местным бюджетам

Объем поступлений от УСН, передаваемый регионами местным бюджетам	Число регионов
Полностью	12
Частично	36
Не передают	37

Источник: Федеральное казначейство, 2018.

Поступления от УСН в региональные бюджеты по данным 2018 г. составляют около *422,2 млрд руб.* (2,8% доходов региональных бюджетов), из них в местные бюджеты переданы *78,2 млрд руб.* (19%). В результате перераспределения средств местные бюджеты на *12,3%* увеличат собственные доходы (или на *9,8%* общие).

3. Расширение доступа субъектов МСП к финансовым ресурсам

3.1. Достижения предыдущих лет

Уровень доступности финансирования — одна из основных причин слабого или, напротив, быстрого развития малых и средних предприятий [68]. В целом, по данным RSBI (Индекс «ОПОРЫ России» и Промсвязьбанка) [69], показатели доступности по сравнению с 2015 г. выросли: доля малых компаний, заявивших о недостатке финансовых средств в 2019 г., достигла наименьшего значения с 2010 г. и составила 56% от общего числа фирм (рис. 14). На недостаток финансовых средств, согласно результатам опроса Ростата [66], в начале 2019 г. указали 35% малых фирм и на высокий банковский кредит — 21%. На пике кризиса 2015 г. соответствующие проценты составили 40 и 29%, а в сумме 69%. Худшие показатели фиксировались в 2009–2010 гг. — 75–76% респондентов. Таким образом, опросы подтверждают повышение доступности финансов с 2016 г.

Общий объем предоставленных субъектам МСП кредитов в рублях за 2018 г. составил 6626,4 млрд руб., что выше уровня 2017 г. на 10,7% (в текущих ценах). Положительную роль могло сыграть формирование гарантийной систе-

мы, в которой участвуют программы Корпорации МСП¹, АО «МСП Банк», региональные гарантийные организации, и реализация Программы льготного кредитования субъектов МСП². К 2018 г. объем выданных кредитов с учетом гарантий превысил 121 млрд руб., а минимальный порог кредита был снижен с 50 до 3 млн руб. [71].

Начиная с 2015 г. наблюдается тенденция к снижению средневзвешенных процентных ставок по краткосрочным (сроком до одного года) кредитам для субъектов МСП [70]. Похожая ситуация наблюдается и с процентными ставками по долгосрочным (свыше одного года) кредитам (рис. 14).

Рис. 14. Характеристики системы кредитования малого и среднего бизнеса

Источник: [69, 70].

¹ Акционерное общество «Федеральная корпорация по развитию малого и среднего предпринимательства» (Корпорация МСП) создано Указом Президента Российской Федерации от 5 июня 2015 г. № 287 «О мерах по дальнейшему развитию малого и среднего предпринимательства», <https://corpmsp.ru/about/deyatelnost/>.

² Программа льготного кредитования субъектов МСП, разработанная Корпорацией МСП и Банком России, была запущена в конце 2015 г. Продукт был создан для того, чтобы смягчить последствия экономического кризиса для малых и средних компаний. Льготные кредиты субъектам МСП, реализующим проекты в приоритетных отраслях, предоставляются банками по ставке не выше 6,5% годовых, причем размер субсидируемой процентной ставки составляет 3,5% годовых для субъектов малого предпринимательства, 3,1% — для субъектов среднего предпринимательства. Льготные кредиты на инвестиционные цели в размере от 3 млн до 1 млрд руб. выдаются на срок не более десяти лет, на оборотные цели — в размере от 3 до 100 млн руб. на срок до трех лет.

3. РАСШИРЕНИЕ ДОСТУПА СУБЪЕКТОВ МСП К ФИНАНСОВЫМ РЕСУРСАМ

С точки зрения политики поддержки малого и среднего предпринимательства необходимо сокращение разрыва в условиях доступа к финансированию по сравнению с крупным бизнесом. С 2014 по 2019 г. разница в процентных ставках для МСП и экономики в целом сократилась с 2,2 до 0,9 п. п. Медианное значение для стран ОЭСР для сравнения составляет 1,4 п. п. [72].

3.2. ПРОБЛЕМЫ И УГРОЗЫ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА

62% субъектов МСП, по данным RSBI, *не испытывают необходимости в новых кредитах* в связи с неопределенностью экономической ситуации и низкой рентабельностью. Учитывая сокращение потребительских рынков на фоне падения доходов населения, можно утверждать, что доля субъектов МСП в объеме выданных кредитов сокращается.

Рост кредитования сектора МСП (к 2018 г. объем кредитов с учетом гарантий превысил 121 млрд руб.) на фоне нестабильной экономической ситуации и непоследовательной государственной политики увеличивает *риски невозврата кредита*, особенно в регионах со слабо развитым сектором МСП.

Усиление давления на банки со стороны регулятора привело к снижению присутствия в регионах кредитных организаций (рис. 15), которые кредитовали преимущественно малый

Рис. 15. Развитие банковской системы как условие кредитования МСП в России

Источник: Банк России [70].

и средний бизнес. Индекс обеспеченности банковскими услугами, отражающий плотность банковской инфраструктуры и объемы средств на депозитах, в сравнении с 2012 г. снизился. Между тем этот показатель является одним из индикаторов доступности банковских кредитов для предпринимательского сектора в регионах России [63]. При этом число банков продолжает сокращаться, а в 2017 г. не было ни одного региона, где выросло бы значение указанного индекса. Это может быть одной из причин снижающейся доли МСП в объеме выданных кредитов. В то же время растет доля кредитов физическим лицам: безусловно, часть из них используется индивидуальными предпринимателями.

В 2017 г. различные виды поддержки были оказаны 166 тыс. субъектов МСП [71], что составляет 2,77% от их общего числа. Лишь 50% компаний, которые получили поддержку и сведения о которых содержатся в реестрах ФНС, по итогам года увеличили оборот или численность работников.

Опросы представителей малых и средних фирм в России показывают, что в среднем лишь 9% обращались к программам господдержки (табл. 7), не обращались же из-за отсутствия до-

Таблица 7. Опросы предпринимателей об осведомленности относительно программ государственной поддержки

Пользовались ли вы программами господдержки?	%	Пытались ли вы воспользоваться программами господдержки?	%
Нет, не пользовались	91	Да	4
Субсидии от центра занятости	2	Нет, так как нет информации	92
Грантовая поддержка	3	Нет, так как не доверяют	45
Федеральные программы	1	Нет, так как чрезмерная отчетность, бюрократия	34
Региональные программы	1	Нет, так как маленькие суммы	51
Возмещение процентов по кредиту	2	Нет, так как высокая конкуренция	11

Источник: опрос ИОН РАНХиГС [10].

стуга к информации — 92%, малых сумм поддержки — 51%, отсутствия доверия государству — 45% и чрезмерной отчетности — 34%. Опрошенные довольно низко оценивают эффективность поддержки (2,2 балла из 5). Неосведомленность субъектов МСП о возможностях использования государственной поддержки является сдерживающим фактором развития сектора МСП.

Политика поддержки всех предпринимателей, особенно начинающих, имеет свои ограничения. Чаще всего финансовая поддержка не достигает цели развития сектора МСП, так как предприниматели замещают собственные средства государственными, а увеличение числа предпринимателей за счет грантов без должной консалтинговой поддержки и обучения приводит впоследствии к увеличению числа банкротств [73].

3.3. РЕКОМЕНДАЦИИ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ПОЛИТИКИ

В крупных банковских структурах в последние годы активно применяется технология «кредитной фабрики» — автоматизированная процедура проверки и анализа заемщиков по данным из внутренних и внешних источников и централизованное принятие решений о выдаче кредита при взаимодействии специалистов банка, кредитных аналитиков с применением ИТ-систем. Впервые в 2008 г. эту технологию применил Сбербанк. Основная идея «кредитных фабрик» — сокращение издержек банков за счет автоматизации процессов принятия решений о предоставлении кредитов. Одним из результатов использования этой технологии должно было стать удешевление кредитов. Однако в условиях нестабильной экономической ситуации применение «кредитных фабрик» для выдачи кредитов малому бизнесу себя не оправдало. На первом этапе их активного использования произошел рост кредитования. Но на втором этапе было отмечено снижение качества кредитных портфелей банков (по ситуации на 2018 г. около 20% российских компаний убыточны, приблизительно 25% показывали нулевую прибыль) и, как следствие, рост невозвратов.

Для целей развития сектора МСП перспективным выглядят отбор и финансирование потенциально быстро растущих компаний [11, 74]. Малый и средний бизнес нуждается в долгосрочных кредитах на расширение производственного и технологического бизнеса в среднем в размере около 1 млрд руб. Поэтому представляется целесообразным расширение финансирования МСП средствами Фонда развития промышленности [75], в том числе в крупных центрах высокотехнологичной промышленности [46]. Необходимо также рассмотреть возможность разработки новой программы субсидий банкам «5% на 10 лет» на инвестиционные цели для резидентов промышленных парков, технопарков или открытых экономических зон. Эти компании уже проверены региональными властями, экспертами, управляющими компаниями институтов развития, поэтому риски ниже.

Потребуется и дополнительный мониторинг существующих и запланированных в национальном проекте «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» мер поддержки МСП. Необходимо разработка единой открытой цифровой платформы, содержащей информацию обо всех субъектах МСП, получивших поддержку со стороны бюджетов всех уровней, институтов развития с указанием базовых характеристик их деятельности (объема выделенных средств, источников финансирования, места регистрации, вида деятельности и т. д.) Это позволит повысить доверие к мерам государственной поддержки, снизит риски неэффективного расходования средств и в перспективе создаст предпосылки для разработки комплексной системы оценки эффективности государственных инвестиций, позволяющей в том числе сравнивать показатели деятельности компаний, получивших господдержку, и остальных.

4. Акселерация субъектов МСП

4.1. Достижения предыдущих лет

В соответствии с рекомендациями ОЭСР [76] и в целях стимулирования МСП в России были снижены требования к закупочной документации, а также финансовые требования к участникам, осуществлен переход к использованию цифровых технологий. В 2016 г. была создана двухуровневая система контроля обеспечения доступа субъектов МСП к закупкам крупнейших заказчиков, стала проводиться активная политика по стимулированию спроса на продукцию МСП. В частности, постановлением Правительства Российской Федерации от 11 декабря 2014 г. № 1352 установлены две квоты: квота в размере 18% для субъектов МСП в закупках госкомпаний и квота в размере 15% для прямых закупок у МСП¹. С 1 января 2020 г. указанные квоты будут повышены до 20 и 18%² соответственно [71].

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 11 декабря 2014 г. № 1352 «Об особенностях участия субъектов малого и среднего предпринимательства в закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц».

² Постановление Правительства Российской Федерации от 1 августа 2019 г. № 1001 «О внесении изменений в Положение об особенностях участия субъектов малого и сред-

Общий объем государственных закупок у субъектов МСП, проведенных в соответствии с требованиями Федерального закона от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц», с 2016 г. вырос более чем в два раза — с 1,5 до 3,2 трлн руб. в 2018–2019 гг. (табл. 8). Также увеличивалось с 100 тыс. в 2016 г. до 412 тыс. в 2019 г. (по данным на октябрь) число позиций номенклатуры. Средняя доля прямых закупок у субъектов МСП составляет 42,6% от общего объема, что в 2,8 раза превышает нормативно установленную квоту в размере 15%. Кроме того, по итогам 2019 г. ожидается значительный прирост закупок в соответствии с Федеральным законом от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» с преференциями для участников закупок из числа СМП и СОНКО¹.

Таблица 8. Изменение объема закупок у МСП по 223-ФЗ и 44-ФЗ в 2016–2019 гг.

Год	Объем закупок у МСП по 223-ФЗ, трлн руб.	Номенклатура закупок у МСП по 223-ФЗ, тыс. позиций	Объем закупок по 44-ФЗ с преференциями для участников закупок из числа СМП, СОНКО, млрд руб.
2016	1,511	100	610,9
2017	2,098	161	974,5
2018	3,264	362	565,5
2019	3,2*	412	624,9**

ПРИМЕЧАНИЕ: * — целевой показатель к концу 2019 г., ** — по итогам I–III кварталов 2019 г.

Источник: Корпорация МСП и Минфин России со ссылкой на данные ЕИС.

него предпринимательства в закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц, годовом объеме таких закупок и порядке расчета указанного объема».

¹ Субъекты малого предпринимательства (СМП) и социально ориентированные некоммерческие организации (СОНКО).

По данным АО «Корпорация МСП» [71], наибольший объем закупок у субъектов МСП в первом полугодии 2019 г. среди крупнейших заказчиков пришелся на ПАО «Ростелеком» (120,26 млрд руб.), ОАО «РЖД» (99,86 млрд руб.), ПАО «Газпром» (65,98 млрд руб.), АО «РЖДстрой» (33,88 млрд руб.), ПАО «Сбербанк» (32,36 млрд руб.). Среди субъектов Российской Федерации лидировали Москва (547,87 млрд руб.), Санкт-Петербург (134,17 млрд руб.), Московская область (63,11 млрд руб.), Свердловская область (59,66 млрд руб.), Самарская область (34,75 млрд руб.).

В работе [77] показано, что примерно на трети товарных рынков публичных закупок субъекты малого и среднего предпринимательства играют ключевую роль в обеспечении государственных и муниципальных нужд в товарах, работа, услугах.

В последние годы, по данным Росстата¹, растет — на 57,4% с 2014 г. — и число компаний МСП, осуществляющих экспортную деятельность. Доля компаний-экспортеров в числе малых и средних фирм выросла с 11,6 до 19,5% (для сравнения: в Германии — 32%, в США — 21,2%, в Польше — 14,6%). Положительная динамика может объясняться реализуемыми мерами по развитию региональных экспортных центров, но одновременно этому могло способствовать ослабление российского рубля по отношению к иностранным валютам и сужение внутреннего рынка из-за падения доходов населения. Также возможно временное увеличение объемов экспорта услуг во время чемпионата мира 2018 г.

4.2. ПРОБЛЕМЫ И УГРОЗЫ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА

Сохраняется проблема масштабирования малого бизнеса. Вклад малых и средних предприятий (без учета микрофирм и ИП) в занятость и оборот сектора МСП, состоящего на 95% из микропредприятий и ИП, не превышает 50% в течение последних десяти лет. Более того, с 2008 г. доля малых и средних фирм

¹ Отчет о результатах исследования о состоянии и развитии МСП в Российской Федерации, итогах реализации мер по его поддержке, разработке оценочного прогноза его развития. М.: Корпорация МСП, 2018.

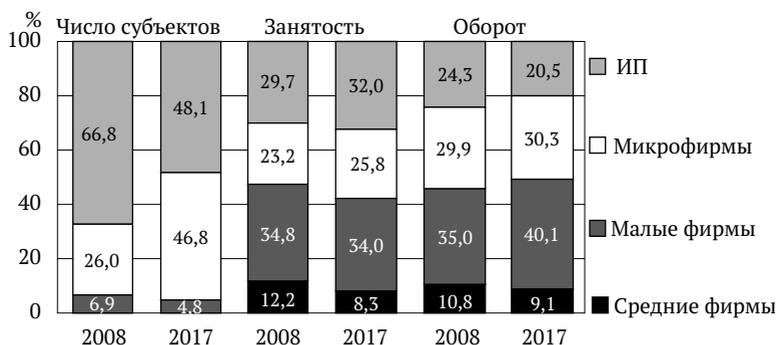

Рис. 16. Структура числа субъектов, занятости и оборота в секторе МСП по размеру предприятий (ИП, микро-, малые и средние)

Источник: Росстат.

в занятости снизилась к 2017 г. на 5% — с 47 до 42,3%. Также немного снизилась доля малых и средних фирм в общем числе предприятий МСП — с 7% в 2008 г. до 5% в 2017 г., а в обороте всего сектора их доля, напротив, выросла примерно на 3,5%.

Динамика числа средних фирм стабильно положительная, но значимого роста не наблюдается: их число выросло, по данным Росстата, с 14,2 тыс. в 2008 г. до 14,8 тыс. в 2018 г. (или до 16,4 тыс. по данным Единого реестра МСП). Доля средних компаний во всех показателях, наоборот, в течение последних десяти лет плавно снижалась.

Один из инструментов акселерации субъектов МСП — повышение их доли в государственных закупках. В России и за рубежом на малый и средний бизнес хотя и приходится более 97% всех компаний, они обеспечивают существенно более низкую долю госзакупок. Но, как отмечает Счетная палата [78], вместе с резким ростом объемов государственных закупок в России в 2016–2018 гг. выросла и сумма соответствующих нарушений, выражающихся в основном в завышении стоимости контрактов и невыполнении требований по приемке и оплате работ¹. В то же время, согласно данным Корпорации МСП

¹ <https://www.rbc.ru/economics/12/04/2019/5cb072fc9a79475d2c90d07b>.

[79], основанным на расчетах «СПАРК-Интерфакса», объем сэкономленных государством средств при проведении торгов увеличивается. При осуществлении государственных закупок в секторе МСП есть риск участия субъектов МСП, аффилированных с крупными компаниями [78]. Например, в США, где хорошо развиты инструменты публичного контроля, по оценке [80], около $\frac{2}{3}$ государственных контрактов, зарезервированных для МСП, в конечном итоге так или иначе выполняются крупными корпорациями (из списка Fortune 500). Дело в том, что выполнявшие контракты малые и средние компании либо были дочерними фирмами крупных корпораций, либо покупались ими уже после оформления контракта.

Согласно исследованию Анчишкиной О. В. [77], 2 201 996 (или 61%) контрактов, отраженных в Единой информационной системе в сфере закупок, были заключены с хозяйствующими субъектами, входившими в Единый реестр субъектов МСП в категории микро- и малый бизнес. При этом 1 275 375 (или 58%) извещений по указанным контрактам МСП содержали преимущества для субъектов МСП [77]. При этом в объеме контрактов с субъектами, указанными в Едином реестре субъектов МСП как микро- и малый бизнес, около 67% приходится на общие режимы закупок. В результате предоставление преимуществ СМП при отборе поставщиков (подрядчиков, исполнителей) в объеме не менее 15% от госзаказа приводит к заключению с СМП контрактов в объеме 7,6–12,7% от совокупной стоимости госзаказа. Таким образом, существенное влияние общих режимов закупок на привлечение малого бизнеса в госзакупки сохраняется [77]. Соответственно, не удается найти статистического подтверждения гипотезе, согласно которой предоставление субъектам МСП преференций в сфере госзакупок на этапе отбора является единственным инструментом, обеспечивающим привлечение малого бизнеса к участию в госзакупках [77]. Возможно, действуют иные факторы, способствующие выходу малого бизнеса на рынок госзаказа.

При сравнении с системой квот для МСП в госзакупках (от англ. set-asides programs) в развитых странах [81] в России не учитываются социально значимые группы соответствующих компаний и отсутствует приоритизация поддержки.

Но не все малые и средние фирмы в равной степени значимы для социально-экономического развития страны и повышения качества жизни населения и не всем субъектам МСП необходима поддержка.

4.3. РЕКОМЕНДАЦИИ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ПОЛИТИКИ

На наш взгляд, для успешной акселерации отдельных субъектов МСП, имеющих существенный потенциал роста, необходимо формирование региональной экосистемы поддержки [82]. Целесообразно использовать меры экосистемного подхода, а именно выстраивание всей поддержки вокруг потенциально наиболее быстро растущих компаний, так называемых региональных чемпионов [74, 11, 83]. Обязательно привлечение федеральных инвесторов и экспертов к публичной процедуре отбора компаний-чемпионов. Потребуется дополнительная поддержка региональных, а также частных и некоммерческих *акселераторов и фаблабов* [46] с опорой на опыт США: подготовка и обучение соответствующих специалистов, обучение новым технологиям, выделение помещений и т. д. Важно также предоставление грантов на оплату услуг бизнес-консультантов [84] и обучение самих консультантов.

Наиболее ярким примером успешной региональной практики в части акселерации МСП является Тюменская область, где сложился пул крупных компаний, осуществляющих госзакупки у МСП, имеется возможность получить инвестиционные займы по ставке 3%, функционируют промышленные парки с развитой инфраструктурой, действуют дополнительные льготы по налогу на имущество и прибыль, установленные на уровне региональных властей; осуществляется имущественная поддержка МСП (предоставляются субсидии на оборудование); частично субсидируется процентная ставка по кредитам.

Другой пример успешного создания инфраструктуры для развития предпринимательства — Центр поддержки предпринимательства (ЦПП) Калининградской области, работающий по принципу «одного окна». Одна из основных целей Фонда ЦПП — обеспечение доступа МСП к финансовым ресурсам че-

рез микрорайоны. Помимо стандартных мер поддержки (финансовой поддержки, консультаций и обучения, поддержки экспорта) в ЦПП также имеется Центр кластерного развития, который оказывает содействие развитию кооперации бизнеса, органов государственной власти, учреждений образования, науки и инвесторов в реализации совместных проектов [85]. В ряде регионов — центрах инновационного развития [86] перспективной мерой выглядит организация специальных условий для фирм творческих индустрий, включая пользование коворкингами и коливингами, льготную аренду, налогообложение, электронные сервисы.

В сфере государственных закупок у субъектов МСП важно согласовать условия преференциального отбора (номенклатуры ОКПД2 и др.) с интересами бизнес-сообщества, обеспечить интеграцию данных Единого реестра субъектов МСП ФНС России и Единой информационной системы в сфере закупок для последующего мониторинга и оценки эффективности.

Как показывает зарубежный опыт, особое внимание при выделении квот субъектам МСП на этапе отбора исполнителей государственных контрактов следует уделить бизнесам, которые ведут представители социально слабо защищенных слоев населения: социального предпринимательства, женского предпринимательства (включая матерей-одиночек), «серебряного предпринимательства». Отдельные программы могут быть разработаны не только для моногородов, но и для удаленных территорий с невыгодными условиями ведения бизнеса (Арктической зоны, Дальневосточного и Северо-Кавказского федеральных округов) [25] и в сельской местности. В ряде случаев целесообразно выделение квот для низкорентабельных, но социально или культурно значимых индустрий: искусств, ремесел, молодежных творческих проектов. В условиях смены технологических укладов, угроз автоматизации (см. п. 1.2) особую роль могут сыграть дополнительные программы для российского технологического и производственного бизнеса.

5. Популяризация предпринимательства

5.1. Достижения предыдущих лет

Меры по популяризации предпринимательства направлены на создание положительного образа предпринимателя, формирование установок на ведение легального и честного бизнеса, а также на распространение историй успеха начинающих предпринимателей.

Ранняя предпринимательская активность (доля населения в возрасте от 18 до 64 лет, находящегося в процессе открытия бизнеса или владеющего либо управляющего новым бизнесом менее 3,5 года) в России составляет всего 5,55%, для сравнения: в США — 15,6%, в Китае — 10,4%. Но Россия опережает такие крупные развитые страны, как Италия, Германия и Япония. При этом за рассматриваемый период наблюдается положительная тенденция к увеличению доли владельцев бизнеса (рис. 17).

Соотношение доверяющих/не доверяющих предпринимателям респондентов в последние годы росло — 22/27% в 2017 г. против 21/45% в 2010 г. Больше предпринимателям доверяли молодые люди с хорошим материальным положением. Хотя доля тех, кто позитивно смотрит на предпринимателей, сократилась в 2019 г. по сравнению со значением 2017 г. на 1% (рис. 18), она все равно

5. ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Рис. 17. Предпринимательская активность в России

Источник: GEM [87].

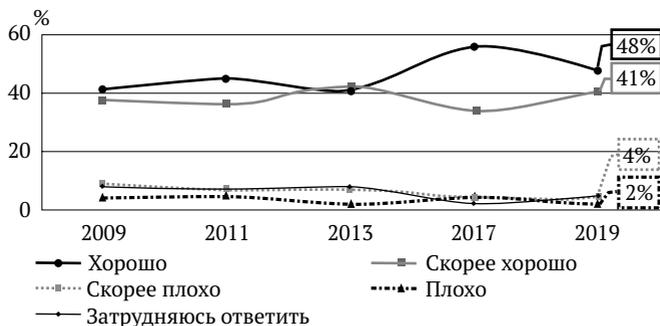

Рис. 18. Изменение отношения к предпринимателям в российском обществе в 2009–2019 гг. Ответ на вопрос: «Как вы относитесь к предпринимателям?»

Источник: ВЦИОМ [88].

остается довольно высокой — 89% (48% опрошенных относятся хорошо, 41% — скорее хорошо). К крупному бизнесу россияне относятся заметно хуже: 28% опрошенных выражают к нему негативное отношение. Среди них большая доля людей пожилого возраста (41%) и людей с низким уровнем достатка (40%), а население в возрасте до 34 лет и группа людей с высоким доходом, напротив, относятся к нему хорошо [88].

74% опрошенных [65] полагают, что деятельность предпринимателей идет на пользу общества, а 16% считают, что во

вред; еще 10% респондентов не имеют мнения по данному вопросу. Польза от предпринимательства, по мнению опрошенных, заключается в создании рабочих мест (28%), пополнении бюджета за счет налоговых отчислений (13%), предоставлении товаров и услуг обществу (12%) и др.

5.2. ПРОБЛЕМЫ И УГРОЗЫ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА

В России сохраняется низкий уровень доверия как в целом в обществе, так и к органам государственной власти. Низкий уровень доверия в обществе снижает возможности формирования производительного предпринимательства. Открытие и ведение бизнеса как деятельность с высокими рисками невозможно без доверия между контрагентами, то есть накопленного социального капитала [89]. В России лишь 31% респондентов считают, что людям в целом можно доверять. В ряде регионов России это значение еще ниже [90]. Соответственно, лишь 22% жителей доверяют предпринимателям¹. Для сравнения: например, в Швеции, где на сектор МСП приходится около 66% занятых, уровень обобщенного доверия превышает 60%.

От большинства развитых стран Россию отличает низкая оценка возможностей ведения предпринимательской деятельности. Так, согласно опросам Глобального мониторинга предпринимательства [87], в 2018 г. в России всего 22,8% населения в возрасте от 18 до 64 лет видят возможность открыть собственную компанию в регионе проживания. Для сравнения отметим, что в Швеции, Саудовской Аравии, США и Судане возможность начать собственный бизнес видят более 70% населения. Лишь в Иране, Болгарии, Греции и Японии восприятие возможностей еще ниже.

При этом 62% граждан считают, что вести честный бизнес в нашей стране невозможно, в 2007 г. таковых было 69% [88].

¹ Уровень доверия не только измеряет социокультурные нормы, но и тесно связан с социально-экономическими тенденциями, в частности он ниже в регионах, где выше преступность, уровень коррупции и т. д.

63% респондентов сами не хотят стать предпринимателями, лишь 25% хотели бы (в 2008 г. — 59 и 32% соответственно) [65]. В последние годы произошло снижение восприятия престижности (с 10% в 2006 г. до 4% в 2018 г.) и доходности (с 20 до 11%) профессии «предприниматель» (рис. 19). Падение престижности профессии предпринимателя может быть следствием изменения представления о ее высокой доходности. Действительно, доходы россиян от предпринимательской деятельности сокращаются.

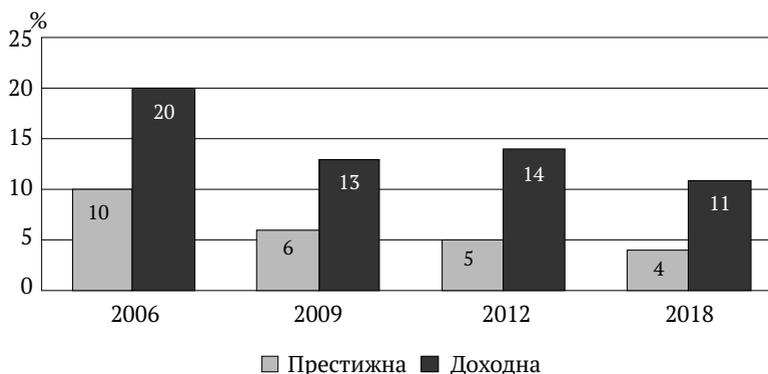

Рис. 19. Соотношение престижности и доходность профессии «предприниматель»

Источник: ВЦИОМ [88].

Страх неудачи в бизнесе отметили как фактор, удерживающий от открытия собственного дела, 40% опрошенных [87]. И хотя значение данного показателя несколько уменьшилось по сравнению с 2016 г., Россия продолжает входить в топ-10 стран с высоким уровнем страха провала.

Низкий показатель распространения ранней предпринимательской активности, низкая оценка возможностей для ведения предпринимательской деятельности, распространённость вынужденного предпринимательства, страх неудачи, отсутствие веры в возможность ведения честного бизнеса в России повышают риски невыполнения национального проекта МСП.

5.3. РЕКОМЕНДАЦИИ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ПОЛИТИКИ

Основной рекомендацией для политики, направленной на популяризацию предпринимательства, является планомерная работа с молодежью — студентами и школьниками.

Во-первых, это популяризация предпринимательства на базе вузов и университетов. Опросы показывают, что через пять лет после выпуска свыше 51% студентов вузов в России планируют стать предпринимателями (за рубежом — 38%) [91]. Поэтому предлагается рассмотреть возможность расширения фондов целевого капитала ведущих вузов [92, 93] для беспроцентной ссуды выпускникам на открытие технологичного бизнеса (в этом случае в новой фирме часть капитала принадлежит вузу), обеспечить возможность вложения ссуды в уставной капитал компании после ее регистрации в течение семи лет после окончания вуза. Решение о выдаче ссуды должно принимать жюри из венчурных инвесторов и специалистов вуза. Указанная мера поддержки позволит снизить страх неудачи и реализовать свои намерения.

Во-вторых, необходима популяризация предпринимательства на базе общеобразовательных школ: внедрение в школах на выбор предмета «предпринимательство». Это потребует разработки программ курса и переподготовки учителей, организации встреч с известными предпринимателями. Одними из условий успешного прохождения курса станут регистрация самозанятого или индивидуального предпринимателя, ведение хозяйственной деятельности и последующая сдача налоговой отчетности.

Как отдельное направление в программе популяризации необходимо выделить производственное, инновационное и социально значимое предпринимательство.

Наконец, большую роль в популяризации предпринимательства должно сыграть распространение информации об успешных предпринимателях, ведущих брендах российской продукции, мерах по поддержке и развитию малого и среднего предпринимательства в конкретных регионах и городах.

6. Поддержка фермеров и сельскохозяйственной кооперации

6.1. Достижения предыдущих лет

В течение последних нескольких лет Правительство Российской Федерации активно способствует формированию и развитию субъектов малых форм хозяйствования на селе. Во многих региональных сообществах малого и среднего бизнеса агропроизводители являются доминирующими. Малые производители сталкиваются с разными проблемами, для решения которых выбрана стратегия развития сельскохозяйственной потребительской кооперации.

До настоящего времени основными мерами государственной поддержки развития кооперации была финансовая помощь в виде субсидирования, с 2015 г. добавилась еще одна — выделение грантов на развитие материально-технической базы кооперативов. В 2019 г. в рамках федерального проекта «Создание системы поддержки фермеров и развитие сельской кооперации», включенного в национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», появилась новая мера стимулирования — создание региональных центров компетенций в сфере сельскохозяйственной кооперации и поддержки фермеров (далее — центры компетенций). Центры компетен-

ций планируется создать во всех субъектах Российской Федерации с равным финансированием.

6.2. ПРОБЛЕМЫ И УГРОЗЫ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА

На сегодняшний день в сельском хозяйстве занято только 18% сельского трудоспособного населения, и эта доля сокращается [95]. Существенная доля сельских жителей фактически работают в городах, в том числе в форме отходничества. При этом в сельской местности одновременно наблюдается недостаток квалифицированных кадров и сохраняется высокий уровень безработицы. Существенно ограничены возможности для расширения фермерства, так как большая часть земельного фонда не разграничена или уже находится в собственности крупных землевладельцев. Поэтому сама мера по развитию сельскохозяйственной кооперации ограничена базовыми негативными социальными и институциональными условиями.

Минсельхозом России совместно с АО «Корпорация МСП» для унификации деятельности центров компетенций был разработан единый стандарт. В соответствии со стандартом объектом услуг центров компетенций определены субъекты малого и среднего предпринимательства (МСП) в области сельского хозяйства, в том числе крестьянские фермерские хозяйства, сельскохозяйственные кооперативы и граждане, ведущие личные подсобные хозяйства на сельских территориях. При этом около половины предприятий, которые можно отнести к малым, являются дочерними фирмами агрохолдинговых формирований, а соответственно, не нуждаются в сельскохозяйственной кооперации. Впрочем, почти все фермерские хозяйства, если исключить из них завуалированные крупные предприятия (например, в отчетности Минсельхоза [96] встречаются КФХ со 100 тыс. га пашни и 278 работниками при одном члене КФХ), являются потенциальными участниками сельхозкооперации.

В некоторых регионах центр кооперации может оказаться невостребованным в связи с недостаточным количеством субъектов, в других же регионах, наоборот, при высоком потенциале потребуется более одного центра. Например, в 12 регионах,

где уже созданы центры компетенций (Белгородской, Волгоградской, Липецкой, Омской, Ростовской, Самарской, Саратовской, Ульяновской, Ярославской областях, республиках Мордовия, Саха (Якутия) и Татарстан), наблюдается самый высокий потенциал кооперации по России (судя по доле аграрного продукта, произведенного малыми формами хозяйствования (ЛПХ, КФХ, ИП) — потенциальными кооператорами в совокупном объеме регионального производства сельхозпродукции, а также по доле региона в общероссийском производстве).

В рамках вышеуказанного стандарта центры компетенций фокусируются на обучении членов кооперативов и сельских жителей основам сельскохозяйственной кооперации, аналитической работы и консалтинговой деятельности. При этом требования к компетенции штатных сотрудников центра, прописанные в стандарте, не предусматривают обязательного опыта работы в сфере сельскохозяйственной кооперации. В результате, как показало исследование Центра агропродовольственной политики РАНХиГС, для работы в центрах компетенций были наняты сотрудники, чей уровень компетенции в сфере сельскохозяйственной кооперации соответствует лишь 40% от необходимого, что ставит под сомнение возможность выполнения федерального проекта. Более того, содержание немотивированных и некомпетентных сотрудников может привести не только к нецелевому расходованию государственных средств, но и к обратному эффекту: сельские жители, не получив должной поддержки, разочаруются в кооперации и станут саботировать ее развитие.

6.3. РЕКОМЕНДАЦИИ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ПОЛИТИКИ

При организации центров компетенций необходимо оценить региональный потенциал товарного сельхозпроизводства, число организаций и личных подсобных хозяйств, готовых и способных участвовать в кооперации. Возможно, в регионах с высокой плотностью сельского населения потребуется несколько центров компетенций. Соответственно, необходимо дифференцированное финансирование программы в регионах.

Рекомендуется внести изменения в Единый стандарт центров компетенций, указав в качестве субъектов обучения сельскохозяйственные микро- и малые предприятия с максимальным числом постоянных работников до 100 чел. и максимальной годовой выручкой (без НДС) не более 800 млн руб.

Потребуется внести изменения в Единый стандарт центров компетенций в части наличия у сотрудника центра обязательных знаний, навыков и мотивации в сфере сельскохозяйственной кооперации. Также необходимо сделать обязательным изучение сотрудниками центров компетенций законодательства о сельскохозяйственной кооперации с последующей независимой оценкой и аттестацией сотрудников. Обучение, которое для них проводит Минсельхоз России совместно с Корпорацией МСП, должно быть нацелено на результат. Независимый опрос после второго из четырех курсов обучения показал, что стандартные лекции не дают эффекта.

Частичное финансирование консультаций у тех рыночных агентов, которые, с точки зрения самих фермеров, могут им помочь, выглядит более целесообразным. Также целесообразным представляется финансирование консультационных мероприятий на площадках успешно работающих кооперативов. В Дании, например, существует отлаженная система образования фермеров от начального курса молодым фермерам и до постоянного консультативного их обслуживания, включая вопросы кооперации. Эта служба формируется и управляется самими фермерами, при этом софинансируется государством.

В сельском хозяйстве занято только 18% сельского трудоспособного населения России, и этот показатель продолжает снижаться. Поэтому мероприятия по поддержке фермеров и сельскохозяйственной кооперации, которые проводятся на сегодняшний день, недостаточны для того, чтобы существенно повлиять на развитие сельского хозяйства и сектора МСП в этой отрасли.

Заключение

Государство уделяет развитию малого и среднего бизнеса достаточно внимания и ресурсов. Однако устойчивая система поддержки МСП все еще формируется. Одна из причин запаздывания состоит в том, что критерии сферы МСП постоянно меняются, обновляются, затрудняя аналитическую работу по оценке эффективности мер государственной политики и прогнозированию тенденций. Малые и средние предприятия в силу своей специфики наиболее уязвимы для внешних шоков, существенное влияние на них оказывают общие институциональные условия, неопределенность экономической ситуации, сокращение спроса. Вообще говоря, указанные ограничения трудно преодолеть в рамках только предпринимательской политики. В докладе мы стремились уделить основное внимание мерам, непосредственно касающимся развития сектора МСП.

Принимая во внимание сравнительно короткую историю современного российского предпринимательства, можно объяснить и низкую вовлеченность населения в предпринимательство: нет устойчивого интереса к ведению собственного бизнеса, низким остается доверие государству, мало успешных примеров станов-

ления бизнеса с нуля. Отношение к предпринимательству меняется медленно.

В результате, несмотря на многочисленные усилия властей, роль малого бизнеса в экономике России довольно скромная, и это во многом связано с высокой долей государственного сектора. В целом ситуация в сфере МСП неизменна вот уже несколько лет — основные показатели существенно не меняются. Фактически актуальными остаются целевые ориентиры, направления поддержки, которые были установлены Стратегией МСП в 2016 г. и далее перешли в национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». Существенный рост числа субъектов МСП, наблюдавшийся в последние годы, не связан с повышением роли сектора в экономике — это скорее результат изменения статистических методик и критериев отнесения к субъектам МСП. Впрочем, проводимые государством меры по упрощению регистрации малых компаний также способствовали этому росту.

Вероятность достижения целей национального проекта по МСП по численности занятых, доле МСП в ВВП и доле экспорта МСП (и ИП) в общем объеме несырьевого экспорта тесно связана с реализацией входящих в него федеральных проектов. Проанализировав текущие достижения и сложности выполнения каждого из них, важно отметить несколько принципиальных моментов:

1) специфика сферы малых и средних предприятий (МСП) в России и за рубежом состоит в том, что они наиболее уязвимы перед экономическими и внеэкономическими шоками, несут наибольшие риски вследствие ограниченности ресурсов, а значит, определяющее значение для сферы МСП имеет институциональная среда; уровень развития сферы МСП, таким образом, отражает общее состояние экономики и слабо подвержен влиянию отдельных целевых мероприятий. Для изменения институтов необходимо проводить долговременную последовательную политику, обязательным условием которой является установление доверия между бизнесом и властью;

2) учитывая, что большинство МСП в России — микробизнес (более 95% от числа всех малых и средних предприятий),

а основная отрасль — торговля (более 42%), они способны лишь опосредованно повлиять на достижение национальных целей в части экономического роста, технологического развития (это касается главным образом средних предприятий, которые составляют не более 2% от всей сферы МСП); с другой стороны, значительная часть сферы МСП работает в тени (прежде всего с точки зрения оформления юридических лиц, легализации ИП и самозанятых, а также трудоустройства сотрудников). Поэтому статистически отражаемый вклад МСП в занятость и в достижение национальных целей подлежит сомнению;

3) статистика сферы МСП в России несовершенна, до сих пор не разработан адекватный индикатор для измерения развития предпринимательства и его динамики, тем более на региональном уровне. Затруднительно и определение адекватных целевых индикаторов для федеральных и региональных проектов, четко привязанных к деятельности получателей субсидий, и проведение мониторинга их достижения. Все это препятствует попыткам построения математических моделей для оценки возможного влияния отдельных проектных мероприятий на сферу МСП. Для корректной оценки соответствующего влияния требуется значительный массив данных по каждому результату нацпроекта, обеспечивающий его правильную имплементацию и пр. Зачастую формальное выполнение КПЭ не отражает реальных результатов, которые планировались на стадии наполнения нацпроекта. Статистические проблемы связаны с наличием нескольких источников данных (Росстат, Единый реестр субъектов МСП) с разной методикой сбора данных, методологией расчета отдельных показателей (число занятых, доля МСП в ВВП). Отсутствуют и качественные индикаторы для развития сферы МСП в целом: рост числа компаний может отражать результат их дробления, подсчет занятых не учитывает теневую занятость и др.;

4) для федеральных проектов характерны некоторые системные особенности, связанные со спецификой сферы МСП. В частности, необходимость приоритизации мер и формирования адресной системы поддержки определенных групп предприятий сферы МСП. Кроме того, большая дифференциация особенностей развития МСП по регионам заставляет говорить

о наличии совершенно разных предпринимательских экосистем, и это необходимо учитывать при корректировке федеральных проектов и формировании региональных проектов по развитию МСП. Для развития предпринимательства важны местные условия, так как большая часть субъектов МСП связана с местными и региональными рынками товаров и услуг. Сейчас у муниципалитетов нет достаточных стимулов для поддержки и развития МСП, поскольку большая часть их доходов направляется в федеральный и региональный бюджеты. На наш взгляд, необходимы не только меры федеральной политики, но и альтернативные подходы [82], направленные на развитие предпринимательских экосистем в регионах и крупных городах. Этот подход должен учитывать особенности развития МСП на определенных территориях, большую налоговую и бюджетную самостоятельность крупных городов.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Президент России. 2018. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения: 10.10.2018).
2. Распоряжение от 2 июня 2016 г. № 1083-р «Об утверждении Стратегии развития малого и среднего предпринимательства до 2030 года» // Правительство России. 2016. URL: <http://government.ru/docs/23354/> (дата обращения: 10.10.2018).
3. *Медведев, Д. А.* Россия-2024: Стратегия социально-экономического развития // Вопросы экономики. 2018. № 10. С. 5–28.
4. *Верховская, О. Р., Александрова, Е. А., Богатырева, К. А. и др.* Национальный отчет «Глобальный мониторинг предпринимательства. Россия 2016/2017. СПб: ВШМ СПбГУ, 2017.
5. *Земцов, С. П.* Цифровая экономика, риски автоматизации и структурные сдвиги в занятости в России // Социально-трудовые исследования. 2019. № 3. Т. 36. С. 6–17.
6. Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // Консультант-

- Плюс. 2019. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52144/ (дата обращения: 10.10.2019).
7. Постановление Правительства РФ от 4 апреля 2016 г. № 265 «О предельных значениях дохода, полученного от осуществления предпринимательской деятельности, для каждой категории субъектов малого и среднего предпринимательства» // КонсультантПлюс. 2019. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_196415/ (дата обращения: 10.10.2019).
 8. Налоговый кодекс Российской Федерации // КонсультантПлюс. 2019. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/ (дата обращения: 10.10.2019).
 9. *Баринова, В.А., Земцов, С.П., Кнобель, А.Ю., Лоценкова, А.Н.* Малый и средний бизнес как фактор экономического роста России. М.: Издательство Института Гайдара, 2019. С. 308.
 10. Российская экономика в 2018 году. Тенденции и перспективы. Вып. 40. М.: Издательство Института Гайдара, 2019. С. 656.
 11. *Земцов, С., Маскаев, А.* Быстрорастущие фирмы в России: характеристики и факторы роста // *Инновации*. 2018. № 11. Т. 25. С. 67–75.
 12. Рейтинг РБК: 50 самых быстрорастущих компаний России 2019 года // РБК. 2019. URL: <https://www.rbc.ru/business/31/10/2019/5db6f6a19a79476eb64e7e51> (дата обращения: 10.10.2019).
 13. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства: [сайт]. [2019]. URL: <https://ofd.nalog.ru/> (дата обращения: 10.10.2019).
 14. Трудовые ресурсы // Росстат. 2019. URL: https://www.gks.ru/labour_force (дата обращения: 10.10.2019).
 15. Ежегодный доклад Минэкономразвития России о состоянии и развитии МСП // Федеральный портал МСП. 2017. URL: <http://smb.gov.ru/analytics/17921.html> (дата обращения: 10.10.2019).
 16. Entrepreneurship at a Glance 2017, OECD, Paris, 2017. [Online]. HYPERLINK: https://www.oecd-ilibrary.org/employment/entrepreneurship-at-a-glance-2017_entrepreneur_aag-2017-en.
 17. ЕМИСС: [сайт]. [2019]. URL: <https://www.fedstat.ru/> (дата обращения: 10.10.2019).
 18. Паспорт национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» // Правительство России. 2019. URL: <http://static>.

- government.ru/media/files/qH8voRLuhAVWSJhIS8XYbZBsAvcs8A5t.pdf (дата обращения: 10.10.2019).
19. Малое и среднее предпринимательство в России // Росстат. 2019. URL: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1139841601359 (дата обращения: 10.10.2019).
 20. Entrepreneurship at a Glance 2017 // OECD. 2018. URL: <https://www.oecd.org/sdd/business-stats/entrepreneurship-at-a-glance-22266941.htm> (дата обращения: 11.11.2019).
 21. *Абрамов, А.Е., Аксенов, И.В., Радыгин, А.Д., Чернова, М.И.* Современные подходы к измерению государственного сектора: методология и эмпирика // *Экономическая политика*. 2018. № 1. Т. 13. С. 36–69.
 22. *Баринова, В.А., Земцов, С.П.* Международный сравнительный анализ роли малых и средних предприятий в национальной экономике: статистическое исследование // *Вопросы статистики*. 2019. № 6. Т. 26. С. 55–71.
 23. *Баринова, В., Земцов, С.* Инклюзивный рост и устойчивость регионов России // *Регион: экономика и социология*. 2019. № 1. Т. 41. С. 23–46.
 24. Федеральная служба государственной статистики (Росстат): [сайт]. [2019]. URL: gks.ru (дата обращения: 10.10.2019).
 25. *Земцов, С., Бабурин, В.* Предпринимательские экосистемы в регионах России // *Региональные исследования*. 2019. № 2. С. 4–14.
 26. *Земцов, С., Царева, Ю.* Предпринимательская активность в регионах России: насколько пространственные и временные эффекты детерминируют развитие малого бизнеса // *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2018. № 37. Т. 1. С. 145–165.
 27. *Yakovlev, E., Zhuravskaya, E.* “The unequal enforcement of liberalization: evidence from Russia’s reform of business regulation,” *Journal of the European Economic Association*. 2013. Vol. 11. No. 4. P. 808–838.
 28. *Schumpeter, J.* Theory of economic development. Routledge. 2017.
 29. *Schumpeter, J.* Creative destruction // In: *Capitalism, socialism and democracy* / Ed. by Schumpeter J. 1942. P. 82–85.
 30. *Aghion, P., Howitt, P.* Appropriate growth policy: a unifying framework,” *Journal of the European Economic Association*. 2006. Vol. 4. No. 3. P. 269–314.

31. *Caballero, R.* Creative destruction // In: *The New Palgrave Dictionary of Economics*. 2008. P. 1203–1207.
32. *Bishop, K., Mason, G., Robinson, C.* Firm growth and its effects on economic and social outcomes // NESTA. 2009. URL: http://www.nesta.org.uk/assets/Uploads/pdf/Interim-report/firm_growth_interim_report_NESTA.pdf (дата обращения: 11.11.2019).
33. *Glancey, K., McQuaid, R., and Campling, J.* *Entrepreneurial economics*. London: Macmillan, 2000.
34. *Audretsch, D., Keilbach, M.* “Entrepreneurship and Regional Growth: An Evolutionary Interpretation,” *Journal of Evolutionary Economics*. 2004. Vol. 14. No. 5. P. 605–616.
35. *Audretsch, D.B., Keilbach, M.* Entrepreneurship capital and regional growth // *The Annals of Regional Science*. 2005. Vol. 39. No. 3. P. 457–469.
36. *Audretsch, D.B., Keilbach, M.* Resolving the knowledge paradox: Knowledge-spillover entrepreneurship and economic growth // *Research Policy*. 2008. Vol. 37. No. 10. P. 1697–1705.
37. *Fritsch, M., Mueller, P.* Effects of new business formation on regional development over time // *Regional Studies*. 2004. Vol. 38. No. 8. P. 961–975.
38. *McMullen, J.S.* Delineating the domain of development entrepreneurship: A market-based approach to facilitating inclusive economic growth // *Entrepreneurship Theory and Practice*. 2011. Vol. 35. No. 1. P. 185–215.
39. *Battilana, J., Leca, B., and Boxenbaum, E.* How actors change institutions: towards a theory of institutional entrepreneurship // *Academy of Management Annals*. 2009. Vol. 3. No. 65–107.
40. *Acemoglu, D., Robinson, J.* *Why nations fail: The origins of power, prosperity, and poverty*. Crown Books, 2012.
41. *Полтерович, В.М.* К общей теории социально-экономического развития. Часть 1. География, институты или культура? // *Вопросы экономики*. 2018. № 11. С. 5–26.
42. *Гуриев, С., Качинс, Э., Ослунд, А.* *Россия после кризиса*. М.: Альпина Бизнес Букс, 2011.
43. *Земцов, С.П., Смелов, Ю.А.* Факторы регионального развития в России: география, человеческий капитал или политика регионов // *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2018. № 40. Т. 4. С. 84–108.

44. *Stirzaker, R.J., Galloway, L.* “Ageing and redundancy and the silver lining of entrepreneurship,” *The International Journal of Entrepreneurship and Innovation*. 2017. Vol. 18. No. 2. P. 105–114.
45. *Земцов, С.П.* Смогут ли роботы заменить людей? Оценка рисков автоматизации в регионах России // *Инновации*. 2018. № 4. Т. 234. С. 49–55.
46. *Земцов, С.П., Адамайтис, С.А., Баринова, В.А., Кидяева, В.М. и др.* Национальный доклад «Высокотехнологичный бизнес в регионах России». М.: РАНХиГС, АИРР, 2019.
47. *Земцов, С.П.* Роботы и потенциальная технологическая безработица в регионах России: опыт изучения и предварительные оценки // *Вопросы экономики*. 2017. № 7. С. 142–157.
48. *Zemtsov, S., Barinova, V., and Semenova, R.*, “The Risks of Digitalization and the Adaptation of Regional Labor Markets in Russia,” *Foresight and STI Governance*. 2019. Vol. 13, No. 2. P. 84–96.
49. Аналитический обзор мирового рынка робототехники // Сбербанк. 2019. URL: http://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/pdf/sberbank_robotics_review_2019_17.07.2019_m.pdf (дата обращения: 10.10.2019).
50. *Земцов, С.П., Бабурин, В.Л.* Моделирование диффузии инноваций и типология регионов России на примере сотовой связи // *Известия Российской академии наук. Серия географическая*. 2017. № 4. С. 17–30.
51. *Бутенко, В. и др.* Россия 2025: от кадров к талантам. М., 2019.
52. *Zemtsov, S., Barinova, V., and Semenova, R.*, “The Risks of Digitalization and the Adaptation of Regional Labor Markets in Russia,” *Foresight-Russia*. 2019. Vol. 13. No. 2. P. 84–96.
53. *Зубаревич, Н.В.* Развитие российских агломераций: тенденции, ресурсы и возможности управления // *Общественные науки и современность*. 2017. № 6. С. 5–21.
54. ЦМАКП // Развитие цифровой экосистемы: прямые и косвенные эффекты для экономики. 2018. URL: <http://www.forecast.ru/ARCHIVE/Presentations/DBelousov/2018-03-31IT-ECO.pdf> (дата обращения: 10.10.2018).
55. Foundation for sustainable growth // Alibaba Group. 2018. URL: https://www.alibabagroup.com/en/ir/AlibabaGroup_ESG_Report_2018.pdf (дата обращения: 10.10.2018).

56. Продукты рынков будущего // НТИ АСИ. 2018. URL: <https://asi.ru/nti/projects/> (дата обращения: 10.10.2018).
57. The Global Unicorn Club // CBINSIGHTS. 2018. URL: <https://www.cbinsights.com/research-unicorn-companies> (дата обращения: 10.10.2018).
58. Земцов, С., Чернов, А. Какие высокотехнологичные компании в России растут быстрее и почему // Журнал Новой экономической ассоциации. 2019. № 1. Т. 41. С. 68–99.
59. Баринова, В., Земцов, С., Коцюбинский, В. и др. Выполнение Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в России // Экономическое развитие России. 2018. № 11. Т. 25. С. 36–45.
60. Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 316 (ред. от 14 октября 2019 г.) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации „Экономическое развитие и инновационная экономика“» // КонсультантПлюс. 2019. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162191/ (дата обращения: 10.10.2019).
61. Малое и среднее предпринимательство в России // Росстат. 2019. URL: <https://www.gks.ru/folder/210/document/13223> (дата обращения: 10.10.2019).
62. Doing Business: [сайт]. [2019]. URL: <https://www.doingbusiness.org/> (дата обращения: 10.10.2019).
63. Баринова, В.А., Земцов, С.П., Царева, Ю.В. Предпринимательство и институты: есть ли связь на региональном уровне в России // Вопросы экономики. 2018. № 6. Р. 92–116.
64. Федеральная налоговая служба Российской Федерации: [сайт]. [2019]. URL: <https://www.nalog.ru> (дата обращения: 10.10.2019).
65. Предпринимательство в России // ВЦИОМ. 2019. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2019/Predprinimatelstvo2019.pdf (дата обращения: 10.10.2019).
66. Институциональные преобразования в экономике и количество крупных и средних предприятий и организаций // Росстат. 2018. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1139841601359 (дата обращения: 10.10.2019).
67. Письмо ФНС России от 29 декабря 2018 г. № ЕД-4–2/25984 «О злоупотреблениях налоговыми преимуществами, установленными для малого бизнеса» // КонсультантПлюс. 2019. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162191/

- consultant.ru/document/cons_doc_LAW_317165/ (дата обращения: 10.10.2019).
68. *Fritsch, M., Storey, D.* “Entrepreneurship in a regional context: Historical roots, recent developments and future challenges,” *Regional studies* 2014. Vol. 48. No. 64. P. 939–954.
69. RSBI // ОПОРА России. 2019. URL: <http://opora.ru/projects/indeks-opory-rsbi/> (дата обращения: 10.10.2019).
70. Отчет о развитии банковского сектора и банковского надзора. Банк России, М., 2018. [Online]. HYPERLINK: <https://www.cbr.ru/publ/nadzor/>
71. Отчет о результатах исследования о состоянии и развитии МСП в Российской Федерации, итогах реализации мер по его поддержке, разработке оценочного прогноза его развития. М.: Корпорация МСП, 2018.
72. *Financing SMEs and Entrepreneurs 2016: An OECD Scoreboard*, OECD, Paris, 2016.
73. *Shane, S.* “Why encouraging more people to become entrepreneurs is bad public policy,” *Small business economics*. 2009. Vol. 33. No. 2. P. 141–149.
74. *Mason, C., Brown, R.* “Creating good public policy to support high-growth firms,” *Small Business Economics*. 2013. Vol. 40. No. 2. P. 211–225.
75. *Баринова, В., Земцов, С., Семенова, Р.И.* Государственная поддержка высоких технологий и инноваций в России // *Инновации*. 2019. № 3. Т. 245. С. 2–13.
76. *Reforming Public Procurement. Progress in Implementing the 2015 OECD Recommendation* // *ЩУСВ*. 2019. URL: <https://www.oecd.org/governance/public-procurement/reforming-public-procurement-1de41738-en.htm> (дата обращения: 11.11.2019).
77. *Анчишкина, О.В.* Отечественный и международный опыт развития контрактных отношений с малым бизнесом: количественные оценки участия СМП в госзаказе // *Госзаказ: управление, размещение, обеспечение*. 2019. № 57. С. 8–17.
78. Отчет о работе Счетной палаты Российской Федерации в 2018 г. // Счетная палата Российской Федерации, Москва, 2019. [Online]. HYPERLINK: http://www.ach.gov.ru/activities/annual_report/951/.
79. Акционерное общество «Федеральная корпорация по развитию малого и среднего предпринимательства» (Корпорация

- МСП): [сайт]. [2019]. URL: <https://corpmsp.ru/> (дата обращения: 10.10.2019).
80. Cullen A.M., “The small business set-aside program: Where achievement means consistently failing to meet small business contracting goals,” *Public Contract Law Journal*. 2012. Vol. 41. No. 3. P. 703–720.
 81. Nakabayashi, J., “Small business set-asides in procurement auctions: An empirical analysis,” *Journal of Public Economics*. 2013. Vol. 100. P. 28–44.
 82. Земцов, С., Баринова, В., Красносельских, А. Политика поддержки предпринимательства в России с позиций экосистемного подхода // Форсайт. 2019. № 2.
 83. Медовников, Д., Оганесян, Т., Розмирович, С. Кандидаты в чемпионы: средние быстрорастущие компании и программы их поддержки // Вопросы экономики. 2016. № 9 С. 50–66.
 84. Wren, C., Storey, D., “Evaluating the effect of soft business support upon small firm performance,” *Oxford Economic Papers*. 2002. Vol. 54. No. 2. P. 334–365.
 85. Центр кластерного развития Калининградской области: [сайт]. [2019]. URL: <https://mbkaliningrad.ru/supportmeasures/klasternoe-razvitie/o-tsentre.php> (дата обращения: 10.10.2019).
 86. Земцов, С., Баринова, В. Смена парадигмы региональной инновационной политики в России: от выравнивания к «умной специализации» // Вопросы экономики. 2016. № 10. С. 65–81.
 87. Global Entrepreneurship Monitor: [сайт]. [2019]. URL: <https://www.gemconsortium.org/> (дата обращения: 10.10.2019).
 88. Предпринимательство в России: отношение россиян, барьеры // ВЦИОМ. 2019. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9565> (дата обращения: 10.10.2019).
 89. F. W. All you need is trust? A critical review of the trust and entrepreneurship literature // *International Small Business Journal*. 2012. Vol. 3. No. 30. P. 193–211.
 90. Аузан, А.А., Авдиенкова, М.А., Андреева, Д.А., Бахтигараева, А.И. и др. Социокультурные факторы инновационного развития и успешной имплементации реформ // ЦСР. 2017. URL: <http://csr.ru/wp-content/uploads/2017/09/Report-SF.pdf> (дата обращения: 11.11.2019).
 91. Shirokova, G.V. et al. Global University Entrepreneurial Spirit Students’ Survey. National report Russia 2016. St Petersburg University, Saint Petersburg, 2016.

92. *Земцов, С., Еремкин, В., Баринова, В.* Факторы востребованности ведущих вузов России: обзор литературы и эконометрический анализ // Вопросы образования. 2015. № 4. С. 201–233.
93. *Грудзинский, А.* Университет как предпринимательская организация // Социологические исследования. 2003. № 4. С. 113–120.
94. *Чепуренко, А. Ю.* Как и зачем обучать студентов предпринимательству: полемические заметки // Вопросы образования. 2017. № 3. С. 250–272.
95. *Шагайда, Н. И.* Сельское хозяйство в 2018 г. // Российская экономика в 2018 году. Тенденции и перспективы. М.: Фонд «Институт экономической политики им. Е. Т. Гайдара, 2019. С. 251–270.
96. Министерство сельского хозяйства Российской Федерации: [сайт]. [2019]. URL: <http://mcsx.ru/> (дата обращения: 10.10.2019).

Научное издание

Серия «Научные доклады: экономика»

Заказное издание

Мария Петровна Антонова
Вера Александровна Барина
Владимир Владимирович Громов
Степан Петрович Земцов
Александр Николаевич Красносельских
Николай Сергеевич Милоголов
Александра Андреевна Потапова
Юлия Викторовна Царева

**Развитие малого и среднего
предпринимательства в России в контексте
реализации национального проекта**

Выпускающий редактор *Е. В. Попова*
Редактор *Л. Ф. Королева*
Художник *В. П. Коршунов*
Оригинал-макет *О. З. Элоева*
Верстка *Н. А. Кильдишевой*

Подписано в печать 30.12.2019. Формат 60×90/16.
Гарнитура PT Serif. Усл. печ. л. 6,375. Тираж 500 экз. Заказ № 101

Издательский дом «Дело» РАНХиГС
119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
Коммерческий центр: тел. (495) 433-25-10, (495) 433-25-02
www.ranepa.ru
delo@ranepa.ru

Интернет-магазин
www.delo.ranepa.ru

Отпечатано в типографии РАНХиГС
119571, Москва, пр-т Вернадского, д. 82